

Василий

Тарков

Тарков не
в этом
раз

18+

Василий Боярков
Только не в этот раз

«Автор»

2019

Боярков В.

Только не в этот раз / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-93285-2

В Москве орудует кровавый маньяк-убийца. Его срочная поимка поручена двум сотрудникам МУРа: старшему оперуполномоченному Кирову и его молодому напарнику Бирюкову. В ходе непростого розыска им предстоит столкнуться со множеством непредсказуемых сложностей и ввязаться в сомнительные, если не драматические истории. Кем же на самом деле окажется изощрённый преступник, долгое время терроризирующий столицу?

ISBN 978-5-532-93285-2

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава I. Знакомство	12
Глава II. В столице завелся маньяк	17
Глава III. Встреча со стукачом	23
Глава IV. Федосеева Любовь Викторона	28
Глава V. Осмотр квартиры Глебовых	34
Глава VI. Подозреваемый	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Боярков

Только не в этот раз

Пролог

Где-то в самой середине девяностых годов...

В те суровые времена, в древнерусском городе Нижний Новгород, что располагается на красочных берегах Великой российской реки, знакомой каждому россиянину под громким названием Волга, проживала обычная, ничем не выделявшаяся, семья. Небольшая ячейка нижегородского общества состояла из двух родителей и единственного сынка, едва достигшего шестилётнего возраста. И всё у них было нормально... Но?! Лишь до поры до времени. Однажды глава семьи, собрав немногочисленные пожитки, состоявшие из носимых вещей и бритвенных принадлежностей, неожиданно-негаданно скрылся. Он ушёл к другой женщине, к коей испытывал дурманяще страстные чувства, а через какое-то время сочетался с ней браком. Новоявленная чета перебралась из провинциального города поближе к столичному мегаполису. Брошенный ребёнок на долгие годы потерял след безответственного отца – подлого человека, не пожелавшего пронести непростую обязанность, связанную с полноценным родительским воспитанием.

Мать, дородная женщина, единолично взвалила на себя нелёгкое бремя, предполагавшее содержание малолетнего сына. Имея неприглядную внешность, она обладала низеньким ростом, выделялась полным телосложением, казалась неуклюжей да несуразной – что вовсе не позволяло надеяться на скорое изменение личной жизни, и незавидной, и крайне непривлекательной. Широкое лицо, обвисшие щёки, заплывшие веки и злобные голубые глаза – все они выглядели, не сказать, что ужасно, но неприятно отталкивающе. В общем, брошенная супружница мало напоминала ту красивую хрупкую девочку, какой представлялась до рождения теперь уже явно что не желанного сына. В те далёкие времена докучливый обольститель, обрюхативший юную барышню до наступления совершеннолетнего возраста, был счастлив взять её замуж и пообещал содержать в достаточной мере; он утверждал, что милая пассия никогда и ни в чём не станет нуждаться. Наивная простушка полюбила того молодого парня, не по-мужски симпатичного и прекрасно сложенного. Не имея освоенной профессии, она поверила тем клятвенным заверениям и сделалась законной женой – ровно за месяц до исполнения восемнадцати лет и за четыре до рождения несчастного мальчика, зачатого в грехе и пороке. К тому времени несмышлёная милочка едва успела закончить среднюю школу и получила основное образование.

Сначала всё было вроде бы гладко и складывалось, как и обещал очастливленный любовник, ставший заботливым мужем, – он успешно справлялся с главными обязанностями финансового добытчика и любящего мужчины. Свободное время они проводили вместе и старались ни на секунду друг с другом не расставаться. Постепенно привлекательная смуглянка, так и не сумевшая успешно трудоустроиться, настолько прониклась тягостной ленью, что энергично прибавила в лишнем весе, быстро набрала избыточных килограммов и совершила обратную трансформацию – превратилась из прекрасной принцессы в бесформенную «лягушку». Видя непривлекательную, если не отвратительную метаморфозу, происходящую прямо перед глазами, недобросовестный супруг всё меньше уделял ожиревшей жёнушке должного мужского внимания. Нередко он подолгу задерживался на сверхурочной работе, создавая плодородную почву для жёниной неистовой ревности. Отчаявшаяся особа, оказавшаяся в двусмысленном положении, где хорошенько топталось высокое любовное чувство, становилась и омерзительной, и склочной мегерой. Она придиралась к каждому маломальскому промаху,

совершаемому (теперь уже!) бывшим возлюбленным. Тем более что навязчивые подозрения, что он склонен к растленным прелюбодеяниям, не оказывались сильно беспочвенными.

Итак, настал кульминационный миг, когда в одно прекрасное утро неверный супруг не выдержал поднадоевшего общества и когда он предательски покинул семейный очаг; безответственный негодяй отправился создавать другую семью.

Несчастливая мать, она призирила бывшего муженька всей злобной душой; да, неслыханное, ни с чем не сравнимое, вероломство случилось настолько огромным ударом, что в дальнейшем, на протяжении аж долгих полутора лет, она никак не могла очухаться и всё более горевала. Упаднические настроения особенно подкреплялись тем неприятным фактом, что на приличную работу нигде не брали, и неумелой женщине удалось устроиться лишь скромной уборщицей, где мизерным окладом служила нищенская зарплата. Сводя концы с концами, она каждой ночью безостановочно плакала, коря жестокую участь и злую Судьбу, – проклинала за убогое существование и влаченную, ничтожную жизнь, не посылавшую ни маленького просвета! Сначала, обуреваемая безудержной яростью, отвергнутая страдальца мечтала предавшему злодею безжалостно отомстить. Она намеревалась с ним хорошенечко рассчитаться и в полной мере воздать за оскорбленное самолюбие, крайнюю бедность и позорные унижения, какие в результате презренной измены ей довелось пережить. Однако тому удалось благополучно исчезнуть, то есть он сделался абсолютно недостижимым.

Венцом кошмарных переживаний стала безграничная ненависть, которая вылилась на малолетнего сына. В те нелёгкие времена ему исполнилось чуть больше семи с половиной лет; но он уже в полной мере смог испытать необузданную бесчеловечность, предназначенную, скорее, взрослому мужчине, нежели малолетнему мальчику. Стоило ему лишь малёхонько провиниться либо проштрафиться, как агрессивная женщина начинала его тиранить и избивать; она вкладывала в свирепые удары всю силу неистовой мести, на какую оказывалась способной. Истязая, желчная мамаша не забывала высказывать:

– Получай, «ублюдочный выродок»! Это тебе за все глубокие несчастья, что причинил мне твой «драгоценный папочка». Ты весь, «паскудная падла», в него... желаешь мне бесконечного зла, да и рожа у тебя, «поганый ушлёпок», точно такая же мерзкая и ехидная, ничем от него не отличная.

В критических, едва ли не безвыходных ситуациях униженный ребёнок пытался лишь вымолить милосердной пощады, не в силах сопротивляться осатанелой родительнице:

– Мамочка, милая, прости меня, я больше так никогда не буду!..

Он прекрасно понимал, что никакие мольбы не остановят жестокого истязания, и просил его не трогать исключительно по детской беспомощности, любыми путями желая избавиться от жутких побоев. Надо понимать, в большинстве случаев вина его не считалась столь пагубной, чтобы подвергаться безжалостным избиениям. Порой её не было вовсе – просто брошенной супруге, безнравственно оскорблённой, требовался хоть какой-нибудь незначительный повод (дабы выместить на слабом ребёнке тупую озлобленность, беспощадную и жестокую, ни с чем не сравнимую). Забитый мальчик сделался зашуганным, робким, но и злопамятным. В большинстве он старался отсиживаться в унылой квартире, где прятался в самом тёмном углу, специально им выбранном, чтобы поменьше попадаться на глаза разгневанной матери (и по вполне объяснимым причинам предпочитая из него не высовываться, лишь бы не попадаться ожесточённой мучительнице).

Так он и рос в бесчеловечных, если не варварских зверствах и бессердечно-оскорбительных унижениях. Постепенно взрослея, он частенько сбежал из жуткого дома и подолгу прятался на фермерско-крестьянских угодьях, раскинутых за опустылевшим городом; там зачумлённый парнишка скрывался среди бескрайних тыквенных насаждений. Озлобленная мамаша всё чаще прикладывалась к пивному стаканчику. Едва ему исполнилось полных семнадцать лет, опившись поганым пойлом, она умерла в отвратительных судорогах, наполненных нечело-

веческой жутью, но вовсе не запоздалым раскаянием, выраженным по отношению к угнетённому сыну. Скоропостижная кончина случилась за полгода до выпускного школьного класса. Надоевшую учёбу беспечный парень тут же хотел забросить, но обострённая интуиция навязчиво подсказала, что первоначальное обучение лучше бы, конечно, закончить. Чтобы хоть как-то себя прокормить, нередко приходилось подрабатывать разовым грузчиком и осуществлять ночную разгрузку-погрузку товарных вагонов.

Всё, что он умудрился перетерпеть и что получилось выдержать за несчастливое детство, а следом и горемычную юность, сказалось на психическом состоянии, выработав кровожадные, едва ли не зверские качества: изощрённую жестокость и лютую мстительность, бесчеловечную ненависть и садистскую беспощадность...

Нерадивый отец, женившийся на молоденькой женщине, подáлся в пригородный посёлок, расположенный недалеко от столичного региона. Оба они устроились на завидные должности и народили двух маленьких деток – хорошенького мальчика, прекрасную девочку. Жили в приличном достатке; в новоиспечённой семье царили счастливый мир, взаимное понимание, уравновешенная гармония. Поселились в двухэтажном особняке коттеджного типа; прилегавшая территория, отличавшаяся внушительными размерами, огораживалась красивым железобетонным забором, украшенным замысловатым, изящным рисунком.

С того момента, как непутёвый мужчина безжалостно «кинул» отвергнутую жену, оставшуюся в глубокой провинции вместе с маленьким сыном, минуло долгих семь лет. За весь тяжёлый период (по продолжительности для измученного ребенка просто невероятный) он прежней супруге так ничем ни разу и не помог: ни законными алиментами, ни моральной поддержкой, ни другим, хотя бы менее значимым, способом. Подлец! Он и не думал участвовать в содержании сына, скупым молчанием и долгим отсутствием распаяя жуткую неприязнь, способную накопиться в беззастенчиво брошенных людях. Среднестатистический человек, перебравшийся на окраину Москвы из Нижнего Новгорода, он считался вполне состоятельным и наслаждался каждой минутой безоблачного существования, благополучного бытия. Провинциальный переселенец наполнился безразмерным счастьем, предполагая, что безмятежная реальность никогда не прервется; однако, как оказалось, он значительно заблуждался...

Однажды, вернувшись после очередного рабочего дня, он с нехорошим предчувствием обнаружил, что входная дверь чуть-чуть приоткрыта. Немного нестандартная ситуация, в двухэтажном коттедже, огороженном высоким забором, не представлялась чем-то уж необычным (нередко её не запирали как забывчивая супруга, так и беспечные дети); но сейчас взволнованный хозяин дома почувствовал, как чуткое сердце вдруг сжалось томительной болью и моментально наполнилось охоложденной кровью. Никогда ему прежде не доводилось испытывать хоть сколько-нибудь похожего! Им полностью завладела необъяснимая паника, слепая, безотчётная, дикая: затуманенное сознание буквально сковалось; лицевые мышцы свело мимическим ужасом; на воспалённом лбу проступил болезненный пот; по взмокшей спине побежали миллионы колючих мурашек, временами горячих, а зачастую и ледяных.

Несмотря на угнетённое состояние, встревоженный хозяин, пересилив коварные страхи, чуть не лишившие сознательной воли, поспешно забежал вовнутрь жилых помещений. Там ожидала до жути шоковая картина: паркетные полы, в просторной зале, пестрели кровавой влагой (что странно, ни следов борьбы, ни сумасшедшего буйства в домашней обстановке вроде не наблюдалось?); обыденная обстановка отличалась зловещим затишьем, сплошной тишиной и представлялась поистине мрачной, едва ли не гробовой. В голове главы семейства промелькнула злосчастная мысль: «Что же такого, невообразимо страшного, могло здесь случиться?» Она не находила никакого разумного объяснения.

Стремясь по-быстрому прояснить причину, приведшую к чудовищным переменам, несчастный муж и отец бегом пробежал на второй этаж, где размещались общие спальни. Про-

бегая по зальному помещению, неаккуратный мужчина впопыхах поскользнулся и, чуть проехав по скользкой крови, плюхнулся навзничь – больно ударился затылочной частью о паркетное покрытие пола. На секунду он потерял пространственную ориентацию, однако страшное предчувствие гнало его дальше. Неуклюжий хозяин поднялся и, весь перепачканный багряной влагой, продолжил начатый путь, но... старался ступать сравнительно осторожнее.

В первую очередь он бросился в смежные спальни малолетних детей – там, к нескончаемому ужасу, оказалось пустынно. Тогда он решился обследовать личную комнату, занимаемую и им самим, и любимой супругой. Через пару секунд пронизательный муж оказался рядом, распахнул фигурную створку – и вмиг похолодел от охватившего ужаса. Он едва не лишился чувств от жуткой картины: на двуспальной кровати лежали и дорогая жена, и двое крохотных малышей (мальчик девяти лет и девочка, достигшая лишь семи), ни словом ни жестом не подававшие признаков жизни. Обоих детей (по всей видимости?) убивали одновременно: безжалостно перерезали нежные горлышки. Но вот замученная женщина?.. Ей досталось как следует: она лежала целиком обнажённая, имея на изрезанном туловище множественные ранения, колотые и резанные. Судя по всему, перед тем как окончательно умерщвлять, бедную страдальницу подвергли безжалостным пыткам. Для того чтобы она не кричала, губы супруги (прямо так, «на живую», без местной анестезии) сшивались тонкой жилкой медного провода, легко проходившего в обыкновенную стальную иголку. Сколько же ей пришлось претерпеть? Невозможно себе и представить! Даже при первичном осмотре отчётливо виделось, что на изумительном стане не оставалось живого места: всё оно было в мелких надрезах, крупных порезах, резаных ранах, неглубоко проникавших под кожный покров. Единственное, нетронутым оставалось лишь восхитительное лицо (если не считать друг пришитых к другу безжизненных губ). Помимо перечисленного кошмара, постельное белье, устеленное в широкой кровати, насквозь пропитывалось невысохшей кровью, обильно вытекавшей из мёртвых тел, убитых садистским, неизмеримо безжалостным, способом.

Обескураженный хозяин, до настоящего мига хоть как-то крепившийся, почувствовал острый позыв, производимый вдруг разом ослабшим желудком. Не в силах сдержать защитной реакции, он, спотыкаясь и падая, побежал в туалетное помещение, располагавшееся здесь же, но в отдалённом конце. Закончив с пренеприятным занятием и приведя разрозненные мысли в частичный порядок, он вознамерился выяснить, что же в благопристойном доме, казавшимся спокойным и наполнявшимся смехом и счастьем, на самом деле произошло. Искать разгадку лично? Наверяд ли бы получилось. Ничего ни здорового, ни осмысленного в опустошённый разум почему-то не приходило (явных врагов у приличных людей – вроде бы? – не имелось).

Для того чтобы разрешить все мысленные сомнения, целиком завладевшие помутнённым сознанием, растерянный мужчина захотел воспользоваться помощью местной милиции (именно так в те суровые времена именовалась правоохранительная система). Не заходя в кошмарную комнату, где находились растерзанные покойники, отправился к обычному телефонному аппарату, установленному в благоустроенном холле (мобильные телефоны тогда уже были, но они пока ещё не пользовались большой популярностью). Через пару минут он набирал первичную службу «02»... Однако! Едва смятенный мужчина поднял соединительную «трубу», по характерному отсутствию связного гудка, ошарашенно догадался, что основная линия предусмотрительно обесточена. И вот тогда! Он прошарил карманы верхнего одеяния, пытаясь нащупать сотовое устройство, но, к ужасу, осознал, что (как издавна повелось) забыл его на работе.

Внутреннее состояние оказалось у очумевшего хозяина сейчас таковым, что он, всё больше поддаваясь обуревающей панике, активно приближался к потере сознания; единственное, что в сложной ситуации пришло ему, разумного, в голову, явилось интуитивным предчувствием, заставлявшим срочно бежать к соседям и пробовать спастись через них. Так он, собственно, тотчас и поступил – что есть силы помчался к входной двери. Но! Едва, задыха-

ясь от деструктивных эмоций, он распахнул железную створку – и... прямо перед собою увидел зловещего человека, одетого в чёрное. Вместо лицевых очертаний представилась страшная маска, изображенная чудовищной тыквой (словно бы наступил Хэллоуин); она облегла безликую голову и зашнуровывалась от верхнего темени и вплоть до нижнего окончания (на затылочной части, чуть выше шейного окончания); сквозь пятиугольные дырки, вырезанные под тип неправильной звёздочки, блестели бесчувственные глаза, наполненные кровью и не выражавшие ни сострадательных чувств, ни добродушных эмоций.

При виде возникшего чудища, а заодно и пережитого неодолимого ужаса, поражённый глава семейства совсем уж приготовился повалиться без чувств; естественно, он не сумел бы оказать никакого действительного сопротивления. По-видимому, незванный гость, находившийся в уродливом облике (как будто явился напрямую из самых страшных ужасиков), не ожидал слишком простого финала, в результате чего применил обычную бейсбольную битку; он добавил обескураженному противнику, и без того напуганному до чёртиков, ещё и мощный удар, направленный точно в левую височную область.

Когда тот лишился чувств, нападавший изверг взвалил бесчувственное туловище на чуть приподнятое плечо и с удивительной легкостью понёс на верхнюю часть; он собирался присоединить его к обескровленным, жестоко зарезанным, жертвам. Достигнув намеченной цели, и ноги и руки он обмотал тому клеящей лентой, после чего вкрутил в потолок (оказавшийся деревянным) незамысловатый металлический крюк, принесённый с собой в специальной дорожной сумке. Далее, обездвиженный мученик, ещё живой, но находившийся без сознания, был подвешен в неестественном положении – вниз головой. Словно бы наслаждаясь чудовищным видом, безучастный садюга остался дожидаться нескорого пробуждения.

Ждать пришлось натянуто долго, но незванный гость никуда, казалось бы, не спешил. Прошло не менее часа, прежде чем очумелый страдалец открыл измученные глаза. Заметив произвольное, мал-помалу осознанное, движение, ожесточённый мучитель промолвил:

– Ну что, паскудный папаша, очнулся? Рад ты презренному окончанию никчёмной, предательской жизни?

– Я Вас не понимаю? – ответил зрелый мужчина, надёжно привязанный к потолку; обычно в себе уверенный, сейчас он обливался непрошенными слезами. – В чём мы могли провиниться?

– Вопрос риторический, – даже сквозь жуткую маску яснее-ясного ощущалось, как злобно надсмехается безжалостный истязатель, – на него я отвечу чуть позже, сначала же закончу с очаровательной женошкой, пока, ха-ха! она не слишком остыла.

На странных словах он привстал с занимаемого мягкого кресла, приблизился к мёртвому телу, достал обыкновенный презерватив... и совершил отвратное половое сношение. Бывший житель далёкой глубинки, свешиваясь вниз головой и мысленно проваливаясь в тягостное уныние, бессильно страдал, истошно рыдал; он отлично понимал, что не сможет противостоять озлобленному, всецело безучастному, человеку – абсолютно ничем (собственная участь его уже практически не заботила). Выплескивая подавленные эмоции, очумевший мужчина беспрестанно кричал, напропалую зло матерился, потому как надеялся, что его хоть кто-то услышит; но современные коттеджи тем и славятся, что устанавливаются на значительном удалении и конструируются по возможности звуконепроницаемыми.

Возвращаясь к маниакальному некрофилу, от мучительных стенаний тот возбуждался намного сильнее и гораздо интенсивнее доводил безобразное дело до логического конца, закономерного завершения. В конце концов, получив неизъяснимое наслаждение, безумный насильник неспешно поднялся, снял контрацептивное средство, спокойно (как будто омерзительный поступок представлялся чем-то нормальным?) убрал использованный предмет в простенный полимерный пакет, а тот засунул в дорожную сумку (где, помимо прочего, имелись

всевозможные виды режущего оружия и хирургических инструментов). Порывшись некоторое время внутри, он остановил первоначальный выбор на медицинском скальпеле.

Ополоумевший мученик с прискорбием причитал:

– Что мы Вам сделали? За что Вы так с нами?

– Я же сказал – папа! – проговорил садист-изувер, сделав особый упор на последнем, произнесённом им, слове. – Что тут ещё непонятного?

И тут до бесстыжего изменщика потихонечку начало доходить, что он сейчас видится со старшим сыном, брошенным вместе с матерью долгих одиннадцать лет назад и оставленным в глубокой провинции, без мизерного шанса к нормальной, человеческой жизни. Удручённый, а в чём-то пристыженный, безответственный родитель был не в силах поверить (да и, собственно, осознать), что никчёмный (вроде?) поступок выльется невыносимым «бумерангом»; единственное, что он отчётливо понял, – дожидаться милостивой пощады либо лёгкого снисхождения от мстительного сыночка никак не получится. Напоследок он обратился к бессердечному истязателю с насущным вопросом:

– Послушай, униженный сын – теперь я знаю, что имею дело с тобой – может, за мой бесчестный, воистину скверный, поступок я, и вправду, заслужил неотвратимую смерть. Я признаю, что не имею никаких оправданий, после того как бросил вас с мамой на произвол судьбы и после того как не помогал вам в самое тяжёлое время. Но объясни: почему, помимо меня, ты убиваешь ещё и других, ни в чём не повинных, и умерщвляешь их с жуткой жестокостью?.. Что с тобой стало, ведь ты же всегда являлся примерным мальчиком?

– Много говоришь, родимый папочка! Приготовься-ка лучше скоренько умирать.

– Я понимаю, не избежать мне сегодня мучительной участи, – взмолился безрассудный мужчина, без пяти минут уже мёртвый, – только сделай всё, пожалуйста, без страшных мучений.

– Это навряд ли, – грубо ответил озлобленный сын, скрипя безукоризненными зубами и вгоняя приговорённую жертву в панический ужас, – сейчас ты, развратный папаша, на собственной шкуре прочувствуешь, что я испытывал все нескончаемо долгие годы, когда мне приходилось терпеть постоянные издевательства обезумевшей матери. Она и так-то выжила из ума, а после твоего ухода и вовсе «слетела с катушек».

Собственно говоря, именно в переходный возраст и сломалась подростковая психика. С тех пор отверженный отпрыск возненавидел как мучительницу родительницу, подвергавшую нечеловеческим истязаниям, так и подонка отца, бросившего в самый тяжёлый этап формировавшейся жизни. И вот теперь! С каждым неторопливым надрезом, проводимым по беспомощным жертвам, человек в страшной тыквенной маске передавал непутёвому папаше некое зашифрованное послание, наполненное душевной болью и исходившее из самой глубины ожесточённого сердца.

В дальнейшем юный изверг не проронил ни малого слова – он методично орудовал хирургическим скальпелем. Вначале он делал надрезы неглубокие, тоже непродолжительные, оставляя их в стороне от главных вен и скрытых артерий. Последовательно он изрезал презренному отцу рельефную грудь, затем коренастые предплечья, потом широкую спину; закончил приятным лицом. В кульминации нечеловеческих пыток, юный терзатель вспорол родителю плотное брюхо и вывалил наружу и длинный кишечник, и другие, не менее важные, органы, расположенные в нижней части брюшного отдела. Всё то чудовищное время, пока усердный палач, интересуясь человеческими внутренностями, методично теребил их длинными, худыми пальцами, истерзанный отец находился в полном сознании и случился прямым очевидцем неотвратимого гадкого зрелища.

Изошрённая пытка длилась около двух часов. За долгий период жестокого протекания бессовестный отец претерпел ни с чем не сравнимые муки – особенные страдания, наполненные нестерпимой, воистину нечеловеческой, болью. Циничное издевательство закончи-

лось лишь тогда, когда бездушный сын залез родимому отцу под ребра и вырвал трепетавшее сердце; он навсегда избавил непутёвого человека от радостной жизни, а заодно и совестных угрызений, навеки им успокоенных. Главную мышцу, извлечённую из ненавистного тела, конченный изувер аккуратно переместил в литровую стеклянную банку, потом переложил в дорожную сумку, куда убрал и иные орудия случившегося убийства.

Глава I. Знакомство

Лето 2014 года, самый конец августа месяца.

В то непростое время старший оперуполномоченный Киров Роман Сергеевич числился сотрудником «убойного отдела» Главного Управления МВД России по городу Москве, расположенного на улице Петровка, дом номер 38. Он слыл полицейским маститым, со значительным стажем, только-только получил майорское звание и едва успел примерить на форменное обмундирование новёхонькие погоны. В достигнутые тридцать два года располагал всеми необходимыми оперативному сотруднику качествами. Средний рост, коренастая фигура и накачанные бицепсы – все они свидетельствовали о могучей силе, поддерживаемой периодическим посещением спортивного зала. «Прыгучая» походка, живая и лёгкая, вкупе с неприужденными телодвижениями, словно предупреждала, что немалое внимание уделяется технической отработке приемов рукопашного боя. Приятное лицо казалось несколько смугловатым и смахивало на типового латиноамериканца: округлая форма выражалась книзу неявной продолговатостью; большие глаза, игривые, но выразительные, отливали каре-зелёным оттенком и выражали дюжий ум, прозорливую пронизательность, лисиную хитрость, рациональную логику; густые чёрные брови сходились к горбатуму носу; короткая стрижка оставляла виски практически голыми, зато смолянистым «ёжиком» отливала на ровной макушке; маленькие уши прилегали настолько плотно, что едва-едва замечались; идеально круглая голова могла сравниться разве с футбольным мячиком. Он мало походил на коренного столичного жителя, да и Центрального региона в целом, но в совершенстве владел и местным наречием, и устойчивыми традициями. Роман являлся типичным выходцем с детского дома; соответственно, при всём огромном желании не смог бы с точностью вспомнить и рассказать о настоящих родителях (либо его бросила непутёвая мать-цыганка, либо подкинули иностранные «гастарбайтеры»?). Разумеется, ему очень хотелось знать, кто именно «подарил» ему сиротскую жизнь; но... пока хорошего шанса постичь загадочную сущность так и не представлялось. В скверном характере (где-то неуравновешенном, а в чём-то и вздорном) можно отметить, что в конфликтных ситуациях он вспыхивал словно огонь, совершал неосмотрительные поступки, но легко успокаивался, быстро восстанавливал эмоциональное равновесие и (дивное дело!) всякий раз умудрялся сглаживать негативные последствия, возникавшие от взрывной, и дерзкой, и экспрессивной натуры. С положительной стороны, Киров бодро справлялся с природными страхами, навязчивыми сомнениями, тягостными тревогами. Как вывод, он эффективно находил пути решения, казалось бы, из самых безвыходных ситуаций. Одевался неустрашимый оперативник всегда «по гражданке», и редко когда встречался в форменном обмундировании, выдавшим принадлежность к полиции; безусловное предпочтение отдавалось чёрной футболке, однотонной красочной куртке, изготовленной из крокодиловой кожи и сшитой маленькими клочками, свободным брюкам, прочным туфлям.

Говоря о служебной деятельности, среди прочих сослуживцев заправский сыщик славился неординарным подходом и виртуозным умением; он моментально строил правдоподобные версии и пользовался у остальных коллег заслуженным уважением (не одно серьёзное преступление не обходилось без его непосредственного участия). Но! Нетрадиционные методы, какие зачастую использовались в достижении поставленных целей, не отличались особой законностью: напористый сотрудник не гнушался никакими приёмами, способными привести к намеченным перспективам. Нередко его вызывали к прямому начальству, для строгого разбирательства, где нещадно «песочили» и где вменяли в вину неуставное превышение должностных полномочий. Поразительный случай! Несмотря на грубые (а где-то и преступные) выходки и явные перегибы, Романа «настойчиво» держали на службе, всякий раз «ответственно» прикрывая, когда над неразумной головушкой «сгущались тёмные тучи» (по мнению

руководства, оперуполномоченный отменно делал порученную работу и успешно ловил безнравственных негодяев). Как раз сегодня он и стоял в просторном кабинете непосредственного руководителя и стойко держал ответ. За что? За вчерашнее недоразумение, произошедшее с задержанным злоумышленником.

Начальник «убойного отдела», состоявший в звании подполковника российской полиции, являлся немолодым человеком – достиг сорокалетнего возраста. Виктор Иванович Кравцов (именно так звали статного, превосходно сложенного, офицера) – отличный профессионал любимого дела; когда-то, в далёкой молодости, ему пришлось поработать среди простых оперов, неоднократно довелось побывать в горячих, военных точках, и он прекрасно себе представлял, из чего складываются и смысл оперативной работы, и «тягостный хлеб» подвластных сотрудников. Он отличался невысоким ростом, выглядел коренастым, но с лёгонькой полнотой, едва выбивавшейся из-под свободной одежды; круглая голова отмечалась правильной формой, что неплохо проглядывалось через короткие светло-русые волосы; волевое лицо украшалось жёсткими, густыми усами; в голубовато-серых глазах отмечалась немалая рассудительность, великолепная выдержка и чрезмерная проницательность. Соответственно должностным обязанностям, уважаемый офицер всегда облачался в форменное обмундирование, выделявшееся полицейской символикой.

Итак, «нашкодивший» сыщик явился с подробным отчётом о сомнительном происшествии. Первым, безусловно, взял слово Виктор Иванович:

– Ты когда, Киров, в конечном итоге угомонишься? Что ни день, от тебя какие-то гадкие пакости, бросающие негативную тень на основное подразделение.

– Что такое, товарищ полковник? – сотрудники обращались к непосредственному начальнику (по возрасту и заслугам давно обязанному иметь подобное звание), значительно завышая присвоенные заслуги; Роман не стал особенным исключением, хотя и интересовался небрежно, еле скрывая улыбку (он прекрасно осознавал, что сейчас его будут бранить только так, для общего вида, чтобы выдерживать положенный руководителю неприветливый статус). – Вроде сделано как и обычно?

– Вот именно, что опять, как всегда, – согласился Кравцов, нервно постукивая по письменному столу, – я понимаю, конечно, что раскрыто очередное заказное убийство, сложное и серьёзное!.. Но зачем, объясни, при задержании крушить злодейские рёбра и сворачивать нос? Разъясни мне, будь милостив, разве чуть мягче «ломать» невозможно?

– Можно бы и «лезгинку» попробовать с ним станцевать, – не принял Киров точку зрения прямого руководителя, – если бы он добровольно согласился проехать к нам, в «убойное отделение», а не начал высказывать нелицеприятные убеждения, собираясь – между прочим! – проделать аналогичные вещи, но только со мной. Я же, как всем известно, против неестественных манипуляций привык настойчиво возражать и всегда выражаю им искреннее негодование.

– Да, я всё прекрасно знаю и хорошо понимаю, – отмахнулся посуровевший руководитель как от назойливой мухи, противно надоедливой и беспрестанно жужжавшей. – Но!.. Как оказалось, у отморозенного «ублюдка» существуют влиятельные родители. Они не замедлили нанять пронырливых адвокатов, которые хватаются за любую мелочь, способную позволить богатеньким клиентам уйти от уголовной ответственности и избежать справедливого суда, неотвратимого наказания. Вот они и стараются изо всех беспринципных сил, и отработывают проплаченные им нехилые денежки. Получается, мы кровавые монстры, готовые выбить признательные показания из любого, в их гнусном понимании законопослушного, гражданина.

– Не та ли это «поганая мразь», которая безжалостно «завалила» трёх ни в чём не повинных людей – он, что ли, законопослушный? – не сдержался справедливый оперативник, чтобы криво не улыбнуться.

– Что тут смешного?! – не выдержав нервного напряжения, Виктор Иванович немного повысил голос. – У нас уголовное дело вот-вот развалится, а он всё веселится, всё развлекается!

– Как же оно развалится? – не поверил Киров голословным предположениям. – Там же «доказухи» конкретной собрано «выше крыши».

– В общем, так, – произнёс подполковник, делаясь злобным и недовольным, – за кабинетной дверью стоит молоденький парень – младший лейтенант со степенью бакалавра юриста. Вчера он переведен из патрульных подразделений – а с сегодняшнего дня твой новый напарник. Можешь понимать, я приставляю его, чтобы он поучил тебя бороться с отъявленными убийцами, конечности не ломая, а – как оно и полагается! – умело заламывая.

– Нет, товарищ полковник, – запротестовал заправский оперативник, махая двумя руками; он снова назвал непосредственного начальника укоренившимся званием, – Вы же знаете, что после смерти Ерёмина я работаю только один.

– Всё! Его целевое назначение даже не обсуждается, – «зарычал» Виктор Иванович, проявляя непримиримую жёсткость, – кому же чего не нравится – рапорт на стол, а следом «на улицу»... там сейчас таких как раз таки длинная очередь.

– Но!.. – не унимался озадаченный сыщик.

– Короче! – прикрикнул разгневанный подполковник. – Иди работай, и не забудь, что приставленного новобранца ещё и сыскному делу необходимо учить.

Закончив напутственную инструкцию (хотя и недолгую, но очень уж ёмкую), непримиримый руководитель присел за письменный стол; он уставился в компьютерный монитор, яснее-ясного давая понять, что отчётная аудиенция окончательно завершилась и что несговорчивому сослуживцу пора уже уходить. Сопоставив несколько не трудные факты, Киров бодро развернулся кругом, звонко «щёлкнул» каблук об каблук и строевой походкой направился прочь.

– Клоун «тупой», – прошептал беззлобный начальник, рачительно ухмыляясь.

Выйдя в «муровский» коридор, Роман имел большое неудовольствие лицезреть, что неподалёку дожидается молодой человек, одетый в новенькое обмундирование, отличающиеся погонами младшего лейтенанта. Внимательно его осмотрев, смекалистый оперативник сделал первичные выводы, касавшиеся внешних особенностей и навевавшие о вероятном характере. Мысленно он начал перечислять: «Во-первых, на вид юному офицеру не больше двадцати пяти лет. Во-вторых, худощавый новобранец выше меня сантиметров на семь, но кажется много слабее. Хотя – чего это я? – силовое развитие у него вроде бы есть, что подтверждается жилистыми руками и что легко угадывается по плотно прилегающей форме. В-третьих, он обладает каким-то удивительным свойством, хм? угадывается некая внутренняя энергетика, способная подчинять себе духовно более слабых и позволяющая подавлять слабохарактерных оппонентов всего-то лишь близким присутствием. В-четвёртых, внешне невозмутимый вид выражает внутреннее спокойствие и подсознательную уверенность; он сочетается с чем-то непонятным, скорее загадочным, что даёт светловолосому незнакомцу некое моральное преимущество. Это будущий начальник, причём не исключено, что влёгкую пойдёт по чужим головам, – надо быть с ним поосторожнее, а лучше заранее поставить в зависимые условия, чтобы общаться стало гораздо проще», – подумал Киров, оценивая карьеристское качество. Продолжая визуальные наблюдения, он в той же мере отметил, что овальное, больше обычного вытянутое, лицо не столь уж и миловидно, зато содержит необъяснимые притягательные особенности (если с чем-то и сравнивать, то с гипнотическим выражением – когда ядовитая гадина смотрит на зачумлённую жертву и подготавливает к неминуемой гибели). «В принципе, для оперативной работы и кадрить бездумных девчонок совсем неплохо», – вновь отметил Киров, делая профессиональные заключения. Далее, заправский оперативник перешёл к несколько странноватым глазам. Они представлялись слегка заууженными и имели редчайшее исключение: правый казался зелёным, как истинный изумруд, а левый мелькал то красным, то бурным оттенком. «Как с нестандартными зенками в полицию-то призвали?» – старший офицер по-своему оценил отмеченное чудное свойство. В любом случае взгляд новичка выражал и острый ум, и упорную настойчивость, и упрямую уверенность, и немалую способность к логическим заключениям –

все те первостепенные качества, какие необходимы заядлому сыщику. Под конец не остались неотмеченными и другие физиономические особенности: длинный нос, в целом прямой, но к концу слегка вздёрнутый; впалые щёки, подтверждавшие излишнюю худобу; лопухие уши, непривлекательно торчавшие по разные стороны; короткие волосы, похожие на сухую солому.

Завершая первоначальный осмотр, Киров сделал приставленному соглядатаю (так он его обозначил) отнюдь не любезное замечание:

– Ты в форме-то, в полицейской, зачем припёрся? Мы работой занимаемся чисто оперативной и по всем канонам обязаны носить одеяние сугубо гражданское. Короче, на сегодняшний день к сыскному несению службы ты не допущен... дуй-ка домой отдыхай. А завтра? Как и положено, придёшь в удобной одежде – всё ли, назначенный напарник, тебе понятно?

Основываясь на неприветливом изречении, просится недвусмысленный вывод, что Роману не терпелось избавиться от навязанного «хвоста», о чём он тотчас же и домыслил: «Ещё хотя бы на денёк останусь один; глядишь, получится провернуть какое-нибудь доходное дельце».

Всякий другой (окажись он на месте молодцеватого офицера) не замедлил бы воспользоваться заманчивым предложением, и соблазнительным, и настойчивым, – но только не он. Исполнительный парень искренне улыбнулся, придал себе дружелюбное выражение и поселил в голове недавнего «экзаменатора» невольное размышление. Тот подумал: «Не ошибся ли я в необычном, если не странном юнце – может, не так уж он плох? Надо обязательно проверить его в конкретных делах». Пока он раздумывал, второй сотрудник заговорил голосом высоким, но и с особенной хрипотцой:

– Извините, – обратился он к старшему офицеру (новоявленный сыщик уже представлял, что будет работать на пару с майором), – виноват! Я «в розыске» первый день, – так промеж себя полицейские называют УГРО, – и не знал, как следует одеваться. Дайте мне полчаса, и я быстро переоденусь.

– Как? – удивился Киров, пренебрежительно сморщившись. – Домой, что ли, сбегашь?

– Нет, – не обижаясь на предвзятое ёрничество, выдержанно ответил вчерашний патрульный, – я пришёл в гражданской одежде и специально разделся внизу, в общественном гардеробе.

– Действительно? – не без должного восхищения проговорил прожжённый оперативник. – А на поверку ты, паря-брат, не так уж и плох – сообразителен! Ладно иди. Через тридцать минут жду на служебной парковке... машина «четырнадцатая», чёрного цвета, номер шесть, пять, четыре. Короче, там разберёшься.

Услышав закономерное изречение, поступившие от злого наставника, ретивый парень поспешно отправился их выполнять – немного неуклюжей походкой засеменял в одежное помещение. Когда он удалился метров на двадцать пять, Роман остановил послушного новобранца приветливым окриком:

– Эй, стой!

Едва тот, замедлившись, услужливо обернулся, продолжая выкрикивать, произнёс:

– Как тебя звать-то?! А то общаемся как-то вроде не по-людски!

– Бирюков Никита! – громко ответил молоденький офицер.

– А отчество?!

– Андреевич!

Засим беглое знакомство посчиталось случившимся, и каждый отправился по потребному делу: майор – заводить служебный автомобильный транспорт; младший лейтенант – в полицейскую раздевалку, где совершенно преобразился, поменяв форменное обмундирование на обыкновенное одеяние. Когда он, выполнив первое, поставленное в сыске, несложное поручение, нашёл рекомендованную машину, то предстал перед маститым опером в следующих носимых предметах: коричневатой матерчатой куртке, отмеченной парочкой кожаных вставок;

чёрной водолазке, плотно прилегавшей к худому туловищу; натуральных американских джинсах, светло-синих и эластичных; однотонных им лёгких кроссовках.

Глава II. В столице завелся маньяк

Осмотрев вновь прибывшего сослуживца, Киров оценил произошедшие изменения; он изобразил довольное выражение и выдал позитивное заключение:

– Ого, вот это другое дело! Если небольшую щетину отпустишь, то вообще затеряешься в преступной среде.

– Я бы с радостью, – ответил Никита, немного смущаясь, – но плохо растёт, какими-то жиденькими «ляпками»... получается и гадко и некрасиво.

В ходе краткого диалога Роман обратил внимание, что разноцветные глаза приобрели вполне обычный оттенок: оба зрачка, как им и полагается, выглядели чёрными, окружёнными серо-зелёной радужкой. «Наверное, показалось?» – засомневавшись, подумал старший оперативник; он вспомнил дивную разницу, чуть ранее привлёкшую сосредоточенное внимание. Как только исполнительный новобранец устроился на пассажирское место, майор ввёл его в намеченный курс, в основные мероприятия, необходимых для неуклонного исполнения:

– Нам поступил ответственный вызов. Совершено то ли жуткое убийство, то ли страшное изнасилование, то ли всё сразу вместе – пока неизвестно. Требуется срочно проследовать к кровавому происшествию, всё подробно там разузнать, как полагается выяснить, и незамедлительно включиться в основную работу.

– Я готов, – послушно отвечал молоденький полицейский.

Едва автомобильное средство тронулось, Киров снова заговорил, но на более отвлечённую тему:

– Послушай, лейтенант, – акцентировать дополнительное внимание, уточняя «младший», между ближними сослуживцами было непринято, – хотелось бы получше с тобой познакомиться, поэтому я задам тебе несколько личных вопросов – ты случайно не против?

– Да нет, – бесхитростно отвечал Бирюков, – отчего ж... задавайте. На какие смогу – отвечу.

– Хорошо, – промолвил опытный полицейский, нисколько не сомневаясь, что получит ответ положительный, а не какой-то иной, – тогда скажи: служишь давно?

– Пять лет... подходит шестой. В 2009-м, сразу после армейской повинности, я зачислился в полк патрульной службы, где прошёл первоначальную подготовку и где попутно закончил четырёхлетнюю «вышку». Почти два месяца назад я получил диплом квалифицированного юриста, а затем, по истечении недолгого времени, перевёлся к вам, сюда, в центральное управление. Я слышал, попасть в МУР сравнительно трудно – похоже, мне попросту повезло?

– Можно сказать и так, – согласился заправский оперативник с мнением, не слишком далёким от истины, – чтобы пробиться в «убойный отдел», надо либо пахать днём и ночью, как проклятый, либо заручиться «высоким прихвátом», либо чисто «вылизывать задницу», чтобы тебя непременно тащили везде за собой.

– Ни один из перечисленных случаев ко мне не подходит, – не без печальной грусти заулыбался сыскной новобранец, – просто, находясь ещё в ППС-е, я успешно раскрыл несколько странных, если и не загадочных преступлений – вот «верхнее» начальство и посчитало вполне возможным, чтобы направить меня служить в профессиональное отделение московского розыска.

«Что-то он явно не договаривает? И улыбка у него какая-то неестественная – как будто безрадостная, какая-то недовольная? Ну, да ладно, по ходу дела всё прояснится», – обнадёжился старший оперативник, всё ещё считая, что хитрого юнца приставили специально, дабы в ближайшее время «слить» его самого. Роман был «воробей стрелянный», а потому на незначительных мелочах особенно не заикливался; он предпочитал делать одно из двух: либо выводить на чистую воду, либо делать сопричастным поделником (в сомнительном дельце

поставить в зависимые условия). Нездоровые мысли, словно грозная молния, промелькнули у майора полиции, но он тут же от них избавился, продолжая допытывать новоиспеченного товарища и выпрашивая у него о будничной жизни:

– Ты, Никита, женат?

– Да нет, покамест не довелось, – отвечал доверчивый собеседник, непроизвольно, чуть заметно, поморщившись.

– Что, – поинтересовался зрелый оперативник, придавая себе сострадательный вид, – неразделенная, посетила любовь?

– Типа того, – нехотя признался тому Бирюков, говоря чуть более жёстко, чем разговаривал ранее [по-видимому, он давал достаточно оснований предполагать, что горемычная душа, от жгучих страданий, пока ещё не избавилась (по крайней мере, неприятная тема в настоящее время являлась закрытой)].

– Ладно, понял, – уловил Киров суровую интонацию и мгновенно сменил направление ведомого разговора: – Больше личная жизнь подниматься не будет. Но... продолжим дальше. Ответь мне, пожалуйста, на самый обычный вопрос: ты где, Никита, изволишь селиться – далеко ли от основной работы? Я к тому говорю – вдруг срочно понадобится? – а зная конкретный адрес, можно взять да и запросто к тебе завалиться.

– Живу я за городом, – приобретая беспристрастное выражение, спокойно разъяснял бесхитростный новобранец, – совершенно один. Снимаю махонький домик и всегда нахожусь на мобильной связи, то есть незачем зря мотаться, а звоните в любое время – обещаю приехать, куда не скажете, и явлюсь по первому вызову.

За частными разговорами ни тот ни другой не заметили, как подъехали к окончательной точке маршрута; нужно было срочно включаться в сыскную работу. По ориентировке, полученной от дежурного, прибыли в Царицынский заповедник, расположенный в южной черте огромного мегаполиса, – там всюду трудилась оперативная группа, направленная (говоря профессиональным сленгом) «земельным» отделом полиции. Выбравшись из неброской машины, разновозрастные напарники молчаливо направились к скоплению профессиональных специалистов, находившихся в присвоенной амуниции. Издали узрев эксперта-криминалиста (им оказалась молодая симпатичная девушка), первым делом Роман направился к ней. Она занималась упаковкой обнаруженных следов кошмарного преступления, изъятых в результате сосредоточенного осмотра.

Поравнявшись, учтивый оперативник представился, а затем озадачился закономерным вопросом:

– Что тут у нас?

– Труп полноватой женщины, изуродованной до полной неузнаваемости... сами подойдите да воочию рассмотрите.

Махнув понятным жестом, приглашавшим идти за собой, вдвоём с молодым напарником Киров направился к невзрачному возвышению, видневшемуся среди примятой травы и расположенному от полицейского штаба на расстоянии пятнадцати метров. Едва они различили ужасные очертания, возмущённым взорам представился вид, не поддававшийся никакому нормальному восприятию. Бирюков, не достигнув убиенного трупа, почувствовал себя плохо и отбежал подальше в сторонку – очищать неокрепший желудок, не привычный к отвратному созерцанию. «Молокосос неокрепший», – подумал заносчивый сослуживец.

Справившись с неуправляемыми эмоциями, незазорными и естественными, Никита кое-как привёл себя в надлежащую форму, подошёл к бывалому сыщику и присоединился к детальному изучению мёртвого тела, чудовищно кем-то растерзанного. Им оказалась молодая особа женского пола, едва ли достигшая тридцатилетнего возраста. При жизни она, по-видимому, любила и много, и сытно покушать, потому как выделялась излишне избыточным весом – для невысокого роста общая масса практически доходила до центнера. Непривлекательное туло-

вище всё, не исключая лица, безжалостно располосовывалось остроконечным предметом, превратившим кожную поверхность в сплошную страшную рану. Но и это ещё не всё! Для того чтобы она не кричала, пухлый рот зашивался тоненькой медной проволокой, а любое сопротивление исключалось клеящей лентой, плотно скреплявшей мясистые руки (свободными оставались лишь ноги, хотя и отмечались обрезками липкого скотча).

Они ещё не закончили, а к ним уже приближалась экспертная сослуживица; она поделилась основными мыслями, профессиональными наблюдениями, и попыталась поточнее выстроить произошедшую в парковой зоне драматическую картину.

– Труп неизвестной женщины, – начала она обличительный монолог, – смерть наступила предположительно между одиннадцатью и одним часом ночи. Судя по многочисленным ранам, пытали не меньше часа – хотя, возможно, и больше? Неглубокие порезы причиняли сильные телесные муки, но не провоцировали наступление смертельных последствий. Основываясь на изъятых, тщательно изученных, доказательствах, объективно предположу, что нечеловеческие страдания пришлось претерпеть, когда она находилась в абсолютном понимании, полном сознании.

– Почему такая уверенность? – подняв озадаченные брови, удивился Роман.

– Потому что за последние пять лет это уже третье похожее преступление, совершённое в пределах вверенной территории. В первых двух случаях осатанелый преступник вводил ей дополнительный стимулятор, а именно гормон адреналина, не позволявший по-быстрому «отключаться» и подразумевавший, чтобы во время мучительной пытки рассудок был полностью ясным. Кино американского насмотрелся поганый «ублюдок»! Он провёл здесь точно такую же процедуру, какой безответственно обучают именитые голливудские режиссёры.

– Третий случай?! – с удивлением вскрикнул Киров. – Но почему в таком случае нас ставят в известность только сегодня?

– Наверное, потому, – не без злорадного ехидства предположила подкованная особа, – что наше досточтимое руководство привыкло тянуть «до последнего»; первые два убийства не объединялись в единое расследование, дабы не обозначать особо тяжкую серию. Сейчас, надо понимать, утаить прискорбный факт никак не получится... Я абсолютно уверена – мы будем соединять три уголовных дела в одно и, скомпонованное, передавать его на «Петровку».

– Ясно, – недовольно оскалился старший оперативник, предполагая, что снова на МУР «возляжет» неприятная череда нераскрытых серийных убийств, опускающих добытую раскрываемость до самого низу.

Словоохотливая специалистка тем временем продолжала:

– Бездушный маньяк наслаждался невыносимым страданиям вплоть до тех пор, пока она в какой-то момент не осталась без чувств. Именно тогда он нанёс ей смертельный удар, резко полоснув заточенным лезвием по мягкому горлу и разрезав его – как принято говорить – от уха до уха. Но и тогда он не остановил и страшных, и изощрённых глумлений...

– Как? – не понял растерянный сыщик. – Он что, продолжил тиранить покойную «толстуху» даже после того, как она умерла?

– Да, – убеждённо заявила экспертная девушка, не выражая ни эмоциональных волнений, ни личных переживаний (что после третьего похожего случая, в общем, неудивительно), – как только она скончалась, он – в неслыханном, безумном садизме! – дошёл до отвратительной точки... вступил с со скончавшейся женщиной в половое соитие.

Никита снова не выдержал и отбежал подальше, чтобы продолжить опустошать невыдержанный желудок, оказавшийся для «убойного опера» не столь уж и крепким.

– «Зелёный» ещё, – оправдался за недостойное поведение старший товарищ.

– Бывает, – кивнула головой не менее привычная собеседница. – Кстати, в новом деле существует немаловажное обстоятельство.

– Какое? – заторопил её Киров.

– Во время убийства из дамской сумочки извлеклись любые предметы, способные указать на настоящую личность. По-моему – хотя я могу ошибаться? – предусмотрительный убийца отлично знался с растерзанной жертвой, а потому и стремился удалить фактические предметы, кои хоть как-нибудь указывают на прежнюю связь и кои хоть как-то выводят на собственный след.

– Может быть... может быть?.. – пробормотал задумчиво Киров, жестом правой руки показывая, что экспертная сотрудница пока не нужна; но вдруг, как будто вспомнив что-то определенное, важное, крикнул ей в спину: – А изъять? Чего-то изъяти?

– Отпечаток мужского ботинка... размер сорок третий, – равнодушно ответила та, даже не повернувшись, – сегодня вышлю вместе с другими материалами дела. А ещё! Для изучения наиболее маститых криминалистов, предоставлю снятые с мёртвого тела биологические мазки.

Киров ещё какое-то время сосредоточенно осматривал изувеченный труп, не забывая и про прилегающую округность. Бирюков старался держаться поодаль; по-видимому, в патрульно-постовой службе, где основное направление деятельности направленно к предупреждению и пресечению преступлений, ему не приходилось сталкиваться с немислимыми, дьявольски жуткими, зрелищами. На месте происшествия прбыли ещё минут десять, но больше (даже прожжённому полицейскому, каким слыл старший оперуполномоченный) ничего, дополнительного и значимого, обнаружить не удалось: всё, что возможно, сделала местная оперативная группа.

– Поехали, – с неудовольствием вымолвил Киров, направляясь к служебной машине, – ничего интересного уже не представится.

Достигнув чуть отдалённой стоянки, они уселись в автомобильный салон и продолжили прерванный ранее межличностный разговор. Оно и неудивительно, опытному сыщику непременно хотелось выяснить: можно ли доверять навязанному начальством желторотому новобранцу? Первым делом отметил слабый желудок.

– Ты что, Никита, трупов, «разделанных», раньше не видел – эк, тебя выворачивало?

– Почему? – произнес униженный парень, потупив стыдливый взор и вспоминая непривлекательные моменты, нисколько не славящие, – приходилось видать – но таки-и-е?.. Честно скажу, первый раз во всей моей жизни... видимо, кто-то очень и очень старался.

– Да, – мрачней, согласился майор (он пораздумал, что, как только к ним поступит уголовное дело, настойчивое начальство «с живого не слезет», пока не установится главный виновный), – и слишком перестарался. Поверь мне на слово, теперь нам ни есть, ни пить, ни спать не представится. Докуда? До того знакового момента, пока мы гнусного гада не вычислим. Кстати, – резко переменял он разговорную тему, – давай-ка заедем чего-нибудь перекусим, а потом наведаемся навестим одного знакомого «стукача», официально оформленного секретным агентом и проживающего неподалёку, как раз таки в нужном районе. Может, хоть он поведает чего-нибудь стоящее?

Бирюков кивнул, молча соглашаясь с предложенным вариантом, тем более что сам ничего дельнее всё равно бы не посоветовал. Они остановились перед презентабельным кафетерием, указывавшим на явную принадлежность к системе «Макдональдс», и уверенным шагом направились внутрь. Оказавшись в изысканных помещениях, проголодавшиеся сыщики заказали по сытному гамбургеру; не позабыли и про картошку фри, и ароматный горячий кофе. Во время приготовительного процесса продолжили устанавливать словесный контакт. Первым заговорил молоденький новобранец:

– Товарищ майор, разрешите к Вам обратиться?

На неприятное высказывание бывалый полицейский неприветливо сморщился: подчинённое, едва ли не раболепное отношение явно что приходилось ему не по вкусу. Он той же секундой просветил новоявленного напарника, по части равнозначной субординации:

– Понимаешь, Никита... я не знаю, как принято там, у вас, в полковом ППС-е? У нас, в уголовно розыске, к сослуживцам, равным по должности, принято обращаться запросто – по имени, и сразу на «Ты», не допуская никакого угодливого заискивания. Сверх прочего, у некоторых сотрудников имеются говорящие прозвища – если таковые им посчастливилось заслужить? – и при желании можно обращаться ещё по ним. Меня, к примеру, считают как Костолома... а у тебя, молодой, существует ли собственный псевдоним?

– Пока ещё нет, – искренне отчитался Никита, имевший много меньшую выслугу, – ничего характерного занять покамест не удалось – работаю, наверное, недостаточно долго? Но я сейчас не о том... Мне вот интересно было бы, Рома... знать: а, с чего мы начнём раскрывать то страшное преступление?

Немедленного ответа он сразу не получил, поскольку принесли заказанные блюда, и Киров с энтузиазмом погрузился в увлекательный процесс насыщения. Он поглощал лакомые яства с завидным упорством, чем заразил чувствительного напарника. Невзирая на сильное потрясение, недавно им пережитое и вызывающее немалое отвращение, тот, как и прожорливый наставник, активно принялся за еду.

– Гляди-ка, ты вроде бы «ничего», – заметил опытный полицейский, когда доедал отменную порцию, – быстро справился с изнеженной слабостью. Некоторые «по перваку», после и таких, и подобных им зрелищ, по-нормальному несколько дней не едят.

– Я быстро ко всему приспосабливаюсь, – объяснился Бирюков, не торопясь уничтожая сытное блюдо, – такая моя особенность... «В армейке» срочной служил в элитном десанте; там научили проводить над собой всякие упражнения, психологические тренинги, эффективно восстанавливающие утраченную боеспособность.

– Вот и замечательно, – отшутился Роман, – будет на кого оставить столичную преступность, когда подамся от ратных дел и выйду на заслуженный отдых, – усмехнулся, а мгновенно напустив серьёзную видимость, загадочно продолжал: – Пока же вернёмся к нашим «баранам». Что я имею в виду? Раскрытие любого маломальского преступления следует начинать с получения интересующей информации. Она может быть разной: от изучения следов, оставленных на месте убийства, до работы с завербованной агентурой. Кстати, второе всегда считалось наиболее действенным. Подводя конечный итог, сейчас мы заедем к одному отпетому стукачу. Хотя он и крайне мне неприятен, но, вопреки брезгливому отвращению, не раз помогал изобличать опасных преступников – сам он всегда оставался в тени.

– Интересно?! – восторженно воскликнул молодой новобранец. – Кто же он такой, если так много знает?!

Искушённый майор внимательно оглядел простоватого собеседника, как будто бы размышляя, можно ли ему доверить секретные сведения? Не найдя в его облике ничего подозрительного, поднаторелый офицер решил раскрыть служебные тайны:

– Поганый мерзавец такой же отпетый преступник, как и они. Больше сказать, барыгана-наркоторговец, причём достаточно крупный. Хотя работает он один, реализуемый им пагубный товар пользуется значительным спросом, в связи с чем – как, наверное, понимаешь? – к нему заходит всякая порочная шваль. Подытоживая, волей-неволей ему приходится общаться с отборной нечистью, но далеко не впустую: зависимые «бедолаги» – ну так, в откровенной беседе, проводимой с чертовски «авторитетным челом», каковым считается мой завербованный парень – много всякого рассказывают из криминальной пакости, что происходит и в ближайшей округе, и городе в целом. Он – чтобы силовые структуры не сильно дёргали за грязное дельце – в благодарность сливает добытую информацию, какая, так или иначе, становится неотъемлемым достоянием.

– Если всё, что ты, Рома, сейчас говоришь, является чистой правдой, – искренне возмутился Никита, – то того паскудного человека, согласно строгого, но правильного законодательства, следует сразу арестовать: он губит здоровье несовершеннолетних детей, а в некоторых

случаях поганой, крайне губительной, наркотой преждевременно убивает несформированные, пока ещё растущие, организмы.

– То есть, «мой маленький братец», ты хочешь действовать по закону? – усмехнулся служивый оперативник, прекрасно понимая естественное негодование. – Тогда объясни мне, пожалуйста, «старому остолопу», одну насущную истину: как ты собираешься ловить матёрых убийц, изодранных насильников и хитроумных маньяков, если не станет ни таких, ни похожих людей? Может, у тебя есть какая-то собственная теория поимки опасных преступников, никому ещё неизвестная?

– Вроде бы нет?.. – виновато отвечал Бирюков, понимая, что незадачливым замечанием вызвал у второго напарника нарочитое отношение. – Просто я считал, что закон должен быть единым для всех его исполнителей.

– Закон?! – опытный сыщик воспылил неуправляемым гневом (если вспомнить его описание, дело нормальное, совершенно обыденное). – Думаешь – ОН! – помогает удерживать под контролем ту негативную ситуацию, что всё больше и больше развивается в российской стране? Нет, дорогой сослуживец, в первую очередь высокая эффективность достигается своевременной профилактикой, априори расширением агентурной сети. По всем известным канонам намного лучше иметь единственного торговца наркотиками, чем, скажем, десяток отмороженных нелюдей, хитро выделанных маньяков. С другой стороны, даже если подлого бедолагу и «слить», всё равно на свободное место придут другие, такие же, десять, которых вначале надо вычислить и найти. Они же, поверь – пока ты вокруг да около бегаешь – сложа руки сидеть не будут и подсадят на наркоту людей гораздо больше, чем мы имеем сейчас. Вот так-то! Городская преступность взметнётся в разы, а ты тем временем, как глупенький дурачок, не будешь успевать фиксировать совершенные тяжкие преступления. Какой напрашивается окончательный вывод? На то мы здесь и поставлены, чтобы сохранить то хрупкое равновесие, с помощью коего получается «держать в узде» основную часть многомиллионного российского населения.

Закончив краткий ликбез на высокой ноте, Киров посмотрел на смутившегося юнца и, убедившись, что тот внимательно внял всему, о чём доводилось, осведомился в спокойной тональности:

– Всё ли, Никита, тебе понятно? Ежели чего осталось неясным, то внимательно изучай оперативное наставление, а ровно через неделю доложишь результаты приобретённых теоретических знаний.

Они как раз подъехали к нужному адресу, и поучительную беседу, к обоюдной радости, пришлось незадолго завершить.

Глава III. Встреча со стукачом

Грязный наркоторговец обитал на третьем этаже старенькой кирпичной постройки. Ранее она являлась производственным общежитием, принадлежавшим некоей частной компании; та занималась крупномасштабным строительством, но давно уже разорилась. Принадлежавшее ей жилое хозяйство не осталось длительно пустовать и почти сразу же заселилось всякого рода сомнительными прохвостами, плохо пахнувшими бездомными, а заодно и криминальным лицом, очень заинтересовавшим обоих оперативников. Без труда найдя конспиративную явку, занимаемую и тайным агентом, и гнусным преступником, Роман (хотя он и не давал здорового повода усомниться, что находится здесь не впервые) изначально наткнулся на некоторую долю тупого непонимания. В чём оно выразилось? На продолжительные, если не громовые стуки не последовало никакой нормальной реакции. После того как ему посмели не открывать более трёх минут, злой полицейский совсем уж собрался хлипкую преграду сломать (и даже выбрал короткий разбег); но именно в критический момент она широко распахнулась, и на пороге возник улыбчивый хозяин, носивший имя Укорина Павла Прокопьевича (в определённых кругах более известный как «наркодилер» Корян).

Представший мужчина выделялся высоким ростом и выглядел лет эдак на пятьдесят, возможно, чуть больше (тем не менее по бравому виду можно было судить, что, вопреки достигнутым годам, чувствует он себя вполне превосходно); сухопарое, словно бы высохшее, телосложение полноценно указывало, что длинное туловище давненько не подвергалось ни изнурительным испытаниям, ни физическому труду, ни излишним чревоугодиям (по возбуждённому состоянию создавалось неотвратимое впечатление, что ведению здорового образа жизни он предпочитает тешиться эйфорическими наркотиками); худое, но мужественное лицо не имело той былой привлекательности, какой, очевидно, обладало в далёкой (видимо, бурной?) юности. Оно выделялось неприятной продолговатой формой и неестественно выпученными глазами, имевшими голубоватый, почти небесный, оттенок (они выражали если и не аналитический ум, то сообразительную хитрость – это уж непременно); длинный нос выделялся идеально прямым, невероятно огромным и придавал невзрачному обладателю немалую схожесть с известным мультяшным дятлом; яркие белокурые волосы казались (для представителя сильного пола) воистину странными и отображались равномерной коротенькой стрижкой. Перед незванными сыщиками представитель розничных сетей незаконного бизнеса предстал в серой, изрядно застиранной, спальной пижаме и синих домашних сланцах.

Отворяя дверную створку, владелец наркотического притона не успел произнести ни краткого слова, а Киров, сравниваясь с бушующим ураганом, стремительно врывался в просторную, отнюдь не маленькую, квартиру и по ходу грубо ему выговаривал:

– Чего, Корян, так долго не открывал – опять наркоту кому-нибудь «впаривал»?

Не дожидаясь ответа, любознательный оперативник пробежал через жилое пристанище, занимаемое презренным дилером; он намеревался застать в ней кого-нибудь из постоянных клиентов. Как он впоследствии объяснил: «Чтобы обстоятельно с ним побеседовать». Опытный сыщик, он прекрасно знал, что в пагубной каморке имеется потайная дверка, предназначенная, для того чтобы беспрепятственно уходить при неожиданных визитах, похожих либо на такой, либо ему подобный (раньше, когда строительная фирма ещё функционировала, выход считался запасным, хотя, скорее, пожарным). Похоже, неспроста мерзопакостный бизнесмен занял апартаменты, оснащённые «путями отхода» – он рассчитывал иметь под рукой удобную лестницу, способную предоставить резервный выход (что при его роде деятельности было неудивительно и вовсе не глупо). Между прочим, Роман уже не первый раз поступал нахальным манером и, убежденный, неплохо знал, что подспудная дверца фиксируется хитрым запорным устройством; оно несведущему человеку в глаза и не бросится – это небольшая верёвочка,

которая одним концом закрепляется за накладку, а вторым едва виднеется над верхним бруском (если за неё потянуть, то потайная створка, как в той известной сказке, сразу и открывается).

Любой другой (точно такой же неожиданный) посетитель, не осведомлённый о хитром секрете, позволявшем незаметно покинуть сомнительное жилище, потратил бы на разгадку слишком долгое время. Оно давало вероятному беглецу особое преимущество – значительно увеличить разделявшее расстояние. Непрояснённое положение ничуть не распространялось на боевого сотрудника, отлично знавшего все маленькие нюансы, какие существовали у подведомственного наркопритона. Вероятно, неторопливый хозяин, ведший гнусную деятельность, был прекрасно осведомлен о немаловажной особенности прожжённого сыщика; тем-то, наверно, и выразилось его небыстрая расторопность, проявленная при выходе к нежелательным посетителям, не принёсшим с собой ни доброго, ни хорошего. Как неприятный результат, оперативному завсегдаю, единственно, что удалось уличить, – это худощавый силуэт, ненадолго мелькнувший вверху и перебиравшийся с уличной лестницы на крышу пятиэтажного здания. Сыщик не считался тупым дураком и без особого труда догадался, что преследование проворного беглеца явилось бы делом неплодотворным, всецело бессмысленным. Неутешительный вывод напрашивался из-за множества запасных вариантов, существовавших у наркозависимых прохиндеев и предпринимаемых ими для благополучного отступления. Гоняться за ними по многочисленным закоулкам – необъективной задачи благоразумный оперативник не ставил. Зачем же он тогда ринулся? Воочию убедиться, что незаконное предприятие, ведомое преступным торговцем, пока не хиреет и что у неблагополучного населения, проживающего в столице, доступные наркотики продолжают пользоваться всё тем же широким спросом. Успев зафиксировать убежавшего наркомана, Роман злорадно заулыбался, вернулся к беспечному новобранцу, последовавшему прямо за ним, и назидательно отчитал:

– Ты чего, Никита, за мной побежал? А кто за первым будет смотреть? Что, если ему вздумается тупо «свалить» или нашпиговать наши сильные спины горячим свинцом? Кто поручится, что подобного не случится?

– Виноват, – признался Бирюков в допущенной досадной ошибке, – но, я думал, тебе нужна будет помощь.

– Запомни, – поучительно заметил бойкий майор, не пожелавший «нагружать» того больше положенного, – главная задача ближайших напарников – это прикрывать впереди идущего сотрудника и не позволить застигнуть его врасплох. Допустим, мне выпала честь двигаться первым – ты должен позаботиться о безопасности незащищённой «задницы», заняться организацией надёжного тыла.

За познавательным разговором они продвинулись к главной комнате, где несуетливый наркоторговец принимал и контролирующих, и страждущих посетителей. Укорин уже осознал, кто конкретно изволил пожаловать; он развалился в кожаном кресле и спокойненько дождался, когда незваные визитёры вернутся и когда они объявят истинную цель заранее неоговоренной явки. По его невозмутимому виду более чем ясно предполагалось, что он давно привык к показным сценариям, похожим спектаклям, и ничему «по жизни» не удивляется.

Приличная квартирка обставлялась неплохо (да что там?), для трущобного захолустья попросту изумительно (наверное, то омерзительное дело, коим гнусный пройдоха предпочитал заниматься, приносило приличные дивиденды?). Не стоит осматривать криминальное жильё досконально, достаточно остановиться на описании «приёмного» помещения, заставленного всевозможной дорогостоящей мебелью: красивой стенкой, широким современным комодом, раскладным трельяжем и многим чем другим, имеющим принадлежность к бытовым приборам и хозяйственной утвари. Сам паскудный хозяин (когда заявили бравые сыщики) расположился в одном из пары кожаных кресел, имевших коричневую окраску; вместе с комплек-

тованным диваном они устанавливались возле невысокого столика – всё искомое постаивало ровно посередине.

Бесцеремонно развалившись напротив безнравственного хозяина, Киров кивнул стеснительному коллеге, что можно расслабиться и располагаться, где он не пожелает. Далее, он обратился с предупредительным вопросом и, как и обычно, начал издалека:

– Здорово, Корян, или лучше называть тебя Павлом Прокопьевичем?

– Чего уж там?.. – невесело отвечал сообразительный дилер, прекрасно осознавая, что, как ни крути, с добром полицейские никогда не приходят. – Вроде бы не чужие... чем могу быть обязан?

– Правильный интерес, но несколько преждевременный, – заметил скользкий оперативник, заговорщицки подмигнув и эффектно прищёлкнув двумя пальцами, – я, не поверишь, захотел поинтересоваться: как твоё поганенькое здоровье, как наркотический бизнес – не несёшь ли большие убытки?

– Плохо... всё очень плохо, – запричитал лукавый барыга, делая морщинистое лицо столь опечаленным, что становилось странно, как же он это до сих пор не расплакался, – народец нынче пошёл не тот, какой был несколькими раньше. Все глядят, как бы жить на халяву и как бы, ничего не делая, проводить время в нескончаемой праздности и бесконечных увеселениях.

– Ты что, скажешь, в долг, что ли, начал давать? – выпучил удивлённые глаза язвительный полицейский.

– Нет! Конечно же, нет, – запротестовал лукавый Павел Прокопьевич, махая двумя руками, словно отгоняя назойливых мух. – Ты же знаешь, насущный «товар» достаётся с одними проблемами, и моя прямая выручка составляет не больше трёх процентов от изначальной закупки. Словом, позволить себе милосердную роскошь я просто не в состоянии.

– Всё правильно, но ты всегда так вроде «работал» – в чём истинная причина угнетённого состояния, удручённого настроения, оказалась сейчас? – не унимался дотошный майор; он продолжал придерживаться наработанной тактики, связанной с проведением подробных, занудно детальных, расспросов.

– Трудно стало сбывать, – объяснял печальную ситуацию кокаиновый бизнесмен, – «поганный наркоконтроль» изрядно поддавливает: либо вот-вот «солят», либо – несколько не лучше! – возьмут да и разом «накроют». С другой стороны, состоятельной клиентуры – не пойму почему? – вдруг сделалось мало; наверно, боятся люди... Похожая картина обстоит и с оптовой закупкой.

– То есть?.. – удивился недоумённый оперативник, имея в виду сокращение основных покупателей и перебойную поставку наркотиков.

– Всё очень просто: наркоманы, видно, не полные идиоты и, наблюдая, как каждый день ко мне заходит полиция... Как думаешь: способствует ваши частые посещения процветанию благополучного бизнеса? – прагматичный хозяин закидывал словесные удочки, пытаясь выяснить, что именно привело пытливого сыщика.

Неопытный новобранец (во время дружеской беседы) всё больше помалкивал; он справедливо порассудил, что пока не следует ввязываться в непонятное хитросплетение вертлявых умозаключений, настороженных слов. Никита целиком положился на старшего бпера – предоставил самому разбираться с завербованным секретным агентом (тем более что неумелый парень всё равно не мог осмыслить замысловатой игры, какую вёл хитрющий напарник, гораздо более подкованный и разработавший стандартную тактику). В то же время Киров, закончив вступительный трёп, не имевший определённого смысла (верно?) подумал, что игровую прелюдию пора завершать; он перешёл к основному делу:

– Согласен, Корян, ситуация неприятная, но ты ведь не думаешь, что я побеспокоил тебя по пустому, совсем ничтожному, поводу?

– Конечно же, нет, – немедленно согласился насторожившийся собеседник, ожидая, что сейчас прольётся свет, разъясняющий и внезапное, и неприятное посещение.

– Первым делом я хотел бы спросить: остался ли у тебя в наличии тот синтезированный «товар», что я «пользовал» в давешний раз? – озадачился полицейский спросом, не ставшим для незаконного дилера каким-нибудь удивительным.

Павел Прокопьевич замолчал, искоса поглядывая на второго человека, хотя и пришедшего с давним знакомым, но бывшего ему неизвестным. Перехватив подозрительный взгляд, предупредительный сыщик подбадривающе заверил:

– Можешь говорить свободно: он свой.

– Нет, ничего не осталось, – стараясь быть твёрдым, попытожил Укорин, едва убедился, что незнакомый новобранец серьёзной опасности пока не несёт, – разве только «сухая трава»?

– Ты что, «проезжаешь мне по ушам», будто у тебя совсем не осталось чудесного «кокса», знаменитого на всю большую столицу? – не поверил бывалый опер отчаянному вруну.

– Я же говорю: необычайная трудность с безопасной поставкой, – лживый наркоторговец попытался придать лисиной физиономии правдивое выражение, – одна «трава».

– Ладно, «хрен» с ним, давай конопляной марихуаны, – нехотя согласился Киров (он сильно спешил, а потому допустил, что некоторая техническая накладка вовсе не исключается).

Исполняя странную просьбу, услужливый хозяин вышел в другую комнату; через пару минут вернулся, неся в левой руке крохотный прозрачный пакетик, до краев наполненный зеленоватой растительной массой. Едва он передал психоактивное вещество, а сам уселся в удобное кресло, матёрый оперативник, припрятав преступное зелье (положил в грудной карман неизменной кожаной куртки), перешёл к искомой цели недружественного визита:

– Скажи, Корян, ты не слышал случайно про жуткое смертоубийство, происшедшее в вашем районе нынешней ночью?

– Как не слышать? – не без облегчения выдохнул Павел Прокопьевич, плохо скрывая внутренние волнение. – Конечно ж, проведаль; говорят, третье... точно такое же.

– Неужели? – бравый оперуполномоченный попытался изобразить откровенное удивление, что получилось нисколько не плохо. – И что – говорят! – ещё?

– Маньяк завелся, судачат, – незамысловато ответил Укорин.

– И разумеется, никто про него ничего ни слыхом не слыхивал, ни видом не видывал? – у недоверчивого Романа, приведшего известную приговорку, возникли естественные сомнения.

– Ты же сам, Костолом, прекрасно должен всё понимать, – заговорил убеждённый наркоторговец тоном, позволявшим надеяться, что он говорит сейчас одну лишь голую истину, – эти кровожадные звери – а по-другому не назовёшь – действуют всегда в одиночку... навряд ли они с кем-нибудь делятся ужасными «подвигами»? Бывают разве редкие исключения, но – этот! – я почему-то думаю, окажется не из них.

– Ну, а ежели хорошенько подумать? – усердно настаивал Киров, озлобленно хмурясь и вода железными желваками. – Может, кто в «обнюханной» памяти и всплывёт, отличающийся неадекватным, загадочно подозрительным, поведением? Возможно, какой наркоман, у которого во время жестокой «ломки» напрочь «сносится крыша», или кто освобожденный с долголетней тюрьмы, с пережитками тяжёлого прошлого, пока ещё неизжитого. В последнем случае, полагаю, следует заглядывать в пятилетний период, потому как маниакальные наклонности могут проявиться не сразу. В общем, ты тут пока подумай, настороженно посмотри, основательно послушай и как следует поразмысли. Если неожиданно проявится чего интересное, то сразу мне спехом сигнализируй – всё ли, Корян, понятно? По моему разумению, вопрос несложный – повторять не потребуется?!

– Нет, – заверил Павел Прокопьевич, – я услышал тебя отчётливо – не в первый же раз?

– Тогда, ладно, – провозгласил профессиональный оперативник, вставая с насиженного места и направляясь к основному, входному отверстию, – надеюсь, мы друг друга отлично уразумели, и мне не придётся разочаровываться в нашей взаимовыгодной дружбе.

Младший лейтенант, соответственно, сразу направился следом, резво поднявшись с дивана и поспешно засеменяв за зрелым наставником. Как только они оказались на улице, сели в служебную машину, припаркованную неподалёку, а она потихоньку тронулась, Бирюков не выдержал и, растерянный, нетерпеливо спросил:

– Я, естественно, всё понимаю: оперативная деятельность, добросовестные стукачи и прочее, прочее, прочее... Одно мне стало неясно: зачем нам понадобились растительные наркотики?

– Марихуана, что ли? – пробормотал Роман, словно бы и не слушая, а оставаясь погружённым в сокровенные мысли. – Скоро узнаешь. Я тебе, как и всегда, посоветую: побольше смотри, повнимательней слушай, поменьше говори, а главное, ни разу не умничай. Со временем придут и опыт и знания; ты на собственной шкуре изведешь мельчайшие тонкости и понемногу начнёшь понимать главную розыскную задачу.

Наблюдая, с какой неохотой задумчивый напарник отвечает на обыденные вопросы, Никита обиженно замолчал; он отвернулся к окошку, изобразил на унылой физиономии крайнее недовольство и полную отрешённость. «Переварив» чего-то в продуманной голове, Киров заметил надутое состояние, охватившее угрюмого новобранца. Он от всей души рассмеялся, да так искренне, что разом вызвал непроизвольную смену настроения – с угнетённого на глубоко удивлённое. «Уж не спятил ли он? Вот, как всегда... мне достался полоумный наставник», – поразмыслил про себя Бирюков.

Роман резко прижал к ближайшей обочине, свернул из «экспроприированной» марихуаны изогнутой «косячок» и, подпалив его спичкой, небрежно покрутил в промежутке между пальцами – средним и указательным. Через минуту, заметив, что очумевший воспитанник смотрит безумным взглядом (глазами, широко открытыми и яснее-ясного говорящими, что он вот-вот уже готовится выпрыгнуть и бежать докладывать о чрезвычайном событии, случившемся на работе), опытный сыщик недвусмысленно усмехнулся:

– Хочешь сказать, у вас там, в полковом ППС-е, «сухую травку» совсем «не пользуют»? Да я ни в жизни в ту полную «херню» не поверю! На, Никита, «пыхни» разочек, да немного расслабься.

Он протянул отвратную самокрутку младшему лейтенанту, но тот замахал настолько активно, насколько чуть-чуть не сломал пагубную отраву, скрученную из одного из самых доступных представителей наркотического семейства. Киров хотя и отёрнул протянутую конечность, но произвёл машинальное движение бережно, как будто не самую губительную сигарку спасал, а сохранял нечто невиданно ценное.

– Ты, что ли, «офанарел»?! – «наехал» он на молодого сотрудника, поднимая тон грозного голоса почти до громкого крика. – Не хочешь сам – так и другим не мешай. Надеюсь, вышестоящему руководству стучать не отправишься?

– Нет, – твёрдо заверил Никита, отчётливо давая понять, что на него возможно надеяться, – делай чего пожелаешь, лишь бы твои убогие предпочтения не шли в ущерб для основного расследования.

– Вот и ладненько, вот и «отличненько», – продолжал старший товарищ сохранять и язвительный, и недовольный, и недоверчивый вид, – я, если честно, хотел тебя немного проверить и совсем не собирался всерьёз предлагать курить ту мерзкую гадость. Молодец! Испытание нелёгкое, но прошёл ты его на «отлично».

Засим неприятную беседу закончили. Старший оперативник, обозначившись презрительным выражением, ожесточённо смял скрученный «косячок», а следом безжалостно вышвырнул в водительское окошко; после чего поехали дальше.

Глава IV. Федосеева Любовь Викторона

День близился к логичному окончанию. Киров, направляя служебный автомобиль к небезызвестной «Петровке», внезапно свернул налево и юркнул в ответвлённый проулок. Никак не комментируя, он повёз недоумевавшего спутника на удаление от Московского уголовного розыска.

– Мы куда? – второй сотрудник задался резонным вопросом.

– Заедем ко мне домой, – отвечал ему старший товарищ, – надо перекусить да, пожалуй, вооружиться; ещё неизвестно, когда нынешний день закончится да чем завершится.

– Так ты весь день работал без табельного оружия? – непритворно удивился новоиспечённый оперативник. – А как же должностная инструкция?

– Правила для того и существуют, чтобы ими пренебрегать, – насмехаясь над практической исполнительностью, разъяснил Роман избитую истину, хотя и не прописанную ни в одном из законов. – Запомни главное: оружие полицейского – это обыкновенная шариковая ручка, а вовсе не огнестрельные пистолеты.

Отдаляясь от основного корпуса МВД и отклоняясь в западную окраину, они оказались в одном из самых неблагополучных столичных районов. Здесь в несметном количестве кишела всякая «шушара»: закоренелые наркоманы, отпетые гопники, простые пьяницы и прочие неприятные элементы, асоциальные личности. Дикое дело, в том жутком, воистину опасном, вертепе и изволил проживать один из лучших оперативников московского розыска.

– Так проще работать, – объяснил Роман незавидный выбор странного местожительства, – когда варишься в котле преступных «ублюдков», много знаешь об их жизненных устоях, незаурядных привычках, негласных правилах межличностного общения.

Продолжая налаживать близкие отношения, болтливые напарники подъехали к двухэтажному коттеджу, одиноко стоявшему среди громоздких строений, высотных, многоквартирных. Сразу обращалось внимание, что необширная территория огораживалась двухметровым железным забором; он оснащён двустворчатыми воротами, изнутри закрытыми на прочный засов. Не загоня вовнутрь, беспечный хозяин оставил машину снаружи, пригласил молодого коллегу с собой и направился к высокой калитке, расположенной чуть в стороне и запиравшейся на механический замок, снабжённый кодовой системой набора. Роман нажал на несколько мелких кнопок – послышался характерный щелчок, возвещавший, что металлический ригель вышел из внутреннего гнезда; он предоставлял отбмкнутой створке свободно открыться. Оказавшись на приусадебном участке, и тот и другой направились к дому, где на входную дверь монтировался современный электрический домофон. Нетерпеливый хозяин нажал миниатюрную кнопку вызова, дождался ответа, прозвучавшего приятным и нежным голосом, поспешно назвал и поторопил пустить его внутрь. Едва сработал отпиравшийся механизм, Киров потянул за рифленую ручку и пригласил смущённого напарника следовать за собой.

Их встретила молодая красивая девушка. На вид ей навряд ли исполнилось двадцать лет; невысоким ростом она равнялась с владельцем дома (однако, когда они поравнялись для страстного поцелуя, оказалось, является немножечко ниже); худощавое телосложение выгодно отличалось шикарной грудью, узкой талией, расширенной ягодичной областью и несравненными, изумительно стройными, ножками (они скрывались за коротеньким голубым халатиком и обувались в домашние синие туфельки). Касаясь хорошеньких очертаний лица, в чём-то прекрасного, а где-то неотразимого, можно остановиться на удлинённой форме; отметить большие чувственные глаза, отливающие нескончаемой глубиной и тёмно-карим оттенком; обратить внимание на скромно подведённые веки, выделяющиеся длинными ресницами, эффектно затушёванными и загнутыми чуть кверху; не позабыть про вздёрнутый нос, неплохо сочетаю-

щийся с алыми, ярко подкрашенными, губами (в меру «надутыми» и придающими дополнительную миловидности); закончить длинными каштановыми локонами, волнистой причёской спускающимися на элегантные плечи. Вела себя восхитительная хозяйка свободно, непринуждённо, раскованно, позволяя думать, что является и живой, и энергичной, и явно неглупой. Помимо перечисленных качеств, волевой, но и кокетливый взгляд отображал и нескончаемую любовь (выражаемую к нерадивому спутнику жизни, редко баловавшему благосклонным вниманием), и неженскую логику, и незаурядный ум, и практичное мышление, и смекалистую сообразительность.

– Это моя жена Ира, – представил Киров знойную девушку и подмигнул поражённому спутнику, жадно её «пожиравшему» восторженным взором, – познакомились мы недавно, но сразу как-то сообразили, что не сможем друг прожить без друга ни дня, – и немедленно поженились.

Смазливая хозяйка игриво протягивала прекрасную руку, ожидая от нового знакомого аналогичного действия.

– Никита, – молодой человек с готовностью принял навязчивое рукопожатие.

– Мой новый воспитанник, – ответил сообразительный муж немому вопросу, угаданному в лукавом взоре красивой супруги, – с сегодняшнего утра, – бросил он на ходу, удаляясь в верхние помещения и намереваясь вооружиться.

– Вы есть будете?! – поинтересовалась простодушная собеседница, громко прокричав ему вслед.

– Перекусим! – отозвался Киров теми же интонациями, желая остаться услышанным и не затерять положительный ответ посередине верхних покоев (куда он успел проследовать, двигаясь подпрыгивающей походкой).

Когда Роман, держа в руках дорогую кожанку, спустился вниз, из-под мышки виднелась оперативная кобура; в ней красовался знаменитый ТТ (очевидно, являвшийся личной собственностью и не имевший никакой принадлежности к табельному оружию?). Бирюков продолжал находиться в гостиной, где, приглашённый изящной девушкой, удобно расположился за длинным столом, терпеливо ожидая неусидчивого соратника. Ирина хлопотала на безупречной кухне и изредка выбегала в просторный зал, чтобы выставить аппетитные яства, вкусные и изысканные; частью она приготовила их сама, а частично заказала в каком-нибудь respectable ресторане. Воспользовавшись радушным гостеприимством, проголодавшиеся напарники наспех перекусили, после чего поспешили к вечернему совещанию, дабы обстоятельно доложить о проделанной работе и дабы ознакомиться с собранными за день дополнительными материалами. Они прибыли, чуть задержавшись, но для огромного московского региона столь незначительное обстоятельство являлось делом вполне нормальным и всесторонне обычным (существовали даже некие исключения, дескать, если наваливалось много работы, то на нудных мероприятиях разрешено было не появляться и вовсе, а отчет, соответственно, переносился на более удобное время). Два сослуживца вошли во вместительное пространство (типа ленинской комнаты), когда «разбор дневных полётов» находился в полном разгаре и когда проходило подробное обсуждение уголовных материалов, прибывших из Южного административного округа; понятно, они связывались с серией жестоких убийств, совершённых в отношении непривлекательных женщин, обладавших избыточным весом. Как и полагается, выступал начальник «убойного отдела» Кравцов:

– От наших «добрых» коллег, – говорилось с неприкрытой издёвкой, – прибыло несколько томов уголовного дела, составленного из трёх эпизодов. Согласно собранных документов, местом обнаружения трупов является заповедник Царицыно, расположенный в районе Орехово-Борисово Северное, что располагается на Дольской улице московского мегаполиса. Все убитые – молодые женщины, страдающие существенным ожирением. Две из них заманивались в лесопарковую зону и умерщвлялись непосредственно там, а третья была убита

– где, пока неизвестно? – и привезена в Царицынский парк полностью мёртвой. До конечной точки – где её обнаружили – последнюю жертву транспортировали, но каким конкретно способом, пока остаётся неразрешимой загадкой. Можно бы допустить, что изворотливый преступник прибыл туда не один?.. С другой стороны, принимая во внимание характер совершенного преступления и наличие одного отпечатка обуви, мнение представляется чертовски нелепым. Как правило, в случаях маниакальной зависимости, безумные злодеи действуют в одиночку. Кстати, предварительное заключение лишней раз подтверждает, что интересующий субъект обладает невероятной физической силой. С описанием пока всё – переходим к периодичности. Итак, время, прошедшее между всеми тремя преступлениями, – это ровно пять лет. Получается, первый случай произошёл пятилетку назад; второй – через два года после него; последний случился сегодня. Все они объединяются несколькими идентичными признаками: первое – местом обнаружения растерзанных трупов; второе – наличием множества колото-резанных ран; третье – введением гормона адреналина... брр! – совсем как в заграничных ужастиках. Он необходим, для того чтобы на весь период пыточного процесса истязаемые женщины оставались в сознании.

На финальном пояснении приподнялась просительная рука, принадлежавшая сыщику Кирову; она показывала, что активный слушатель желает задать какой-то и важный, и срочный вопрос. Кравцов кивнул головой, разрешая подчинённому сотруднику говорить.

– Извините, товарищ полковник, а правда, что найденные жертвы оказывались голыми и что вокруг не присутствовало носимой одежды? Ещё хотелось бы выяснить: какие изъяты отличительные следы?

– Вопрос правильный, вполне своевременный, – недовольно наморщился Виктор Иванович, только-только собиравшийся довести те значимые, едва ли не первоочередные моменты. – Да, действительно, все три трупа обнаружены без женского одеяния и без видимых признаков его наличия вокруг истерзанных тел. Из зафиксированных доказательств имеется чёткий обувной отпечаток, изъятый с последнего преступления; он находился возле жуткого туловища. К слову, его схематичное изображение пушено по рядам. Просьба, внимательно ознакомиться! Теперь позвольте вернуться к началу, то есть к тому, о чём говорилось, но не закончилось, потому как одному из сильно заинтересованных оперёв не сидится на мягком кресле и он не умеет подождать единой минутки, – намекал он, разумеется, на Романа. – Так вот, после того как заканчивались невероятные пытки, новоиспеченный упырь вступал с исполосованными трупами, пока ещё тёплыми, в отвратительное половое сношение ...

– Фу!.. – в один голос воскликнули сотрудники оперчасти, присутствовавшие на отчётном собрании, – кажется, у нас «нарисовался» маньяк-некрофил.

– Да, похоже, что так, – нехотя подтвердил подполковник, – и, как вы понимаете, «добрые» «земельники», сопоставив буквальные совпадения, объединили три уголовных дела в одно и переслали их нам, сняв с себя неподъёмный груз тяжелой ответственности. Теперь основная часть розыскной работы ложится на наши профессиональные плечи, а проводимое расследование находится на контроле у министра внутренних дел. В то же самое время – как вы, надеюсь, уже догадались – вводится усиленный режим службы, переводящий нас на долгие, десятичасовые, рабочие сутки. Как результат, утренний развод проводится ровно в восемь, ну, а вечерний доклад?.. Не раньше, чем в двадцать.

«Какие-то странные десять часов?» – подумал про себя Бирюков, но вслух произносить ничего не отважился (в патрульно-постовой службе, честно говоря, усиления тоже мало чем отличались: озвучивалась одна цифра, на поверку же выходила иная). В заключение прозвучало пожелание, предлагавшее всем и дальше активно продолжить служебную деятельность, после чего удручённые сотрудники, обсуждая доведённую информацию, неторопливо принялись расходиться.

Киров привлёк внимание озадаченного воспитанника, аккуратно потрогав того за плечо, и тихо (чтобы никто не слышал) еле слышным голосом выдал:

– Никита, на сегодня можешь считаться свободным; но завтра к восьми – чтобы как штык!

– А как же?.. – попытался тот возразить.

– «Забей», – ухмыльнулся опытный сыщик, – у нас здесь много чего говорят, тем более что, скажу правду, мне сегодня надо маленькое личное дельце «обтяпать»... Так что волей или неволей тебе придётся «отчаливать». Короче, двигая до дому до хаты.

– Сообразил, – подтвердил понятливый новобранец покорную исполнительность и, не прощаясь, направился прямо на выход.

Покинув здание, он проследовал на частную стоянку, где оставил допотопный автомобиль, невзрачным видом выдававший принадлежность к семейству ВАЗ-2109 и выделявшийся чёрным, убогим, покоцанным цветом.

Введённое усиление коснулось не только оперативных сотрудников МУРа, но и полицейских отделений, расположенных в границах Южного административного округа. В силу столь значимой причины, специалист экспертно-криминалистической службы старший лейтенант полиции Федосеева Любовь Викторовна задержалась на повседневной работе и возвращалась глубоким вечером, после девяти часов (как раз она и проводила осмотр неузнаваемого трупа, обнаруженного в Царицынском заповеднике). На улице смеркалось, спустились глубокие сумерки. Уставшая девушка ехала на собственной иномарке, имевшей немецкое название «опель». Если описывать привлекательную наружность, сначала следует остановиться на общих формах и косвенных признаках: невысокий рост неплохо сочетался с пышными очертаниями, добавлявшими не меньше десяти килограммов; миловидная физиономия выделялась щёками холёными, румяными, пухлыми; вьедливые серенькие глаза соотносились и с маленьким носом, на кончике похожим на пуговку, и мясистыми коралловыми губами; светло-русые волосы собирались аккуратной причёской, а сзади скреплялись заколкой, образуя эффектный, вычурно распушенный, хвост. Как и полагается, покидая служебные помещения, Люба сдала в оружейную комнату табельное оружие, сняла форменное обмундирование и переделалась в серое, укороченное книзу платье; из-под него виднелись красивые ноги, обозначенные идеальной формой и обутые в невысокие туфельки; внешний облик заканчивался кожаной курткой зелёного цвета.

Рабочая задержка сказалась на общей усталости, поэтому она старалась ехать с предельной предосторожностью, дабы не спровоцировать дорожной аварии. Несмотря на чрезмерную расслабленность и глубокую отрешённость, от профессионального внимания всё же не ускользнуло, что прямо от полицейского отделения за ней пристроился чёрный, крайне мрачный, автомобиль, старавшийся держаться на строго определенной дистанции; он не привлекал особенного внимания, но и из виду совсем не терялся. Точную модель, из-за переднего света, Федосеева определить не сумела; однако, сопоставив конфигурацию, она предположительно просчитала, что, скорее всего, её преследует гордость российского автопрома, относящаяся к семейству от ВАЗ-2108 до ВАЗ-2115. Подъезжая к собственному жилищу, она загнала транспортное средство на общественную парковку. Не опустилось из напряжённого любопытства, что догонявшая машина проехала дальше, не замедляя хода и ничем не выказывая чрезмерного интереса. Полицейская облегчённо вздохнула, мысленно рассуждая: «Наверное, ему просто понадобилось в ту же самую сторону?» Ободрив себя необоснованным осмыслением, она направилась к высотному, девятиэтажному, дому, где у неё имелась отдельная двухкомнатная квартира. В наступивший час она пустовала. Вопреки двадцатипятилетнему возрасту, из-за напряжённой службы экспертной криминалистке никак не удавалось устроить личную жизнь; хорошенькая, но полноватая девушка продолжала ютиться в тягостном одиночестве и прожи-

вала в купленном (не без помощи обоих родителей) скромненьком московском жилище. И так, она медленно шла. Чем дальше, тем чаще начинала оглядываться, страшно переживая из-за внезапного тревожного чувства. Она никак не находила правдоподобного объяснения, в чём кроется истинная причина смятенного состояния? Ежели вдуматься, оно считалось естественным, ведь на тёмной улице, принимая во внимание то позднее время, было пустынно, холодно, диковато; в окрестной округе не раздавалось ни единого лишнего звука (что само по себе навевало неприятные, если и не кошмарные мысли).

Страшно подумать! До спасительной подъездной двери́ нужно преодолеть густую кустарниковую посадку, расположенную по бокам непротяжённого тротуара; он подводил к необходимой многоэтажке и имел общую продолжительность не менее сотни метров. Подойдя к границе мрачноватого насаждения, Федосеева внезапно остановилась... из-за объявшего ужаса, необъяснимого, неопишуемого, едва не животного, она никак не могла себя пересилить и войти в то угрюмое, отдающее жутью, пространство. Дикий страх дополнительно подкреплялся внутренним голосом; он, не унимаясь, нащёптывал: «Не ходи туда, глупая дура, там тебя поджидает чудовищная опасность».

Любовь прислушалась к обострённой, крайне развитой, интуиции и не проделала окончательную дорогу кратчайшим путем; наоборот, страшную территорию, показавшуюся и злоеющей, и жуткой, она обошла по пути иному, пускай и пролежавшему чуточку в стороне, но представлявшемуся наиболее безопасным. Да, дополнительный переход сильно увеличил общее расстояние, простиравшееся к желанному дому; но, не решаясь пренебрегать элементарной собственной безопасностью, Федосеева решила поступить способом хотя и несколько трусоватым, но показавшимся ей самым приемлемым. Применив обходной манёвр, предусмотрительная девушка потеряла тридцать минут, полагавшихся к спокойному отдыху. Как позитивный итог, полицейская преодолела необъяснимые страхи и без значимых происшествий приблизилась к дверному проёму, ведущему внутрь спасительного подъезда. Тут! Она снова стала оглядываться, лихорадочно озираясь по сторонам и испытывая мучительную тревогу, до сего мгновения просто-напросто неизведанную. Опытная сотрудница прекрасно понимала, что если кому-нибудь взбредёт шальная мысль, чтобы неожиданно напасть, то коварный злоумышленник осуществит злодейский замысел без основательного труда, сторонних препятствий.

Как оказалось, тоскливые страхи были напрасны: вокруг стояла мёртвая тишина и нигде не замечалось живого движения. Воспользовавшись помощью электронной отмычки, напуганная девушка открыла магнитный замок и благополучно очутилась в подъездном пространстве. Проницательно не решившись использовать лифт, она взбежала на шестой этаж по лестничной клетке и остановилась перед жилым помещением, не очень респектабельным, но снаряжённым надёжной металлической дверью. Далее, собственно, она занялась усердным поиском основного ключа и дрожавшими пальчиками энергично закопошилась в неотъемлемой дамской сумочке.

Внезапно! Одинокая хозяйка остановилась – замерла на месте как вкопанная!.. Её охватило паническое предчувствие – так бывает, когда сзади кто-то стоит. Необъяснимый ужас считался настолько великим, что она впала в кратковременный ступор и не могла ни сдвинуться с места, ни повернуться назад, ни даже погромче вскрикнуть. Постепенно Люба почувствовала, как ледяная кровь застывает в суженных венах, как по спине энергично бегают многотысячные мурашки и как немеющее тело колотится лихорадочной дрожью. Ей показалось, что она различает какие-то странные звуки, похожие на выдыхаемый воздух, выходящий из сильной груди и упирающийся в неведомую преграду (обычно так происходит, когда люди пытаются восстанавливать вдруг сбившееся дыхание). Не в силах совладать с чудовищным потрясением, Федосеева ощутила, как закатываются чумные глаза... ещё через секунду она теряла сознание, плавно опускаясь на лестничную площадку и распластавшись прямо у собственной двери. Падала она безвольно, но и сквозь глубокий обморок смогла различить, как кто-то, неведомый

и неясный, плавно её подхватил и значительно сгладил беспмятное падение. В другой миг ей чудилось: во-первых, будто бы чьи-то руки, одетые в тонкие кожаные перчатки, неспешно копаются в дамской сумочке; во-вторых, будто бы они извлекают оттуда квартирные ключики; в-третьих, будто бы те забираются и уносятся прочь; в-четвёртых, будто бы слышится, как рядом разговаривают неясные, туманно приглушённые, голоса.

Очнулась Федосеева по прошествии получаса, так и оставаясь в подъезде одна, без явного либо вымышленного присутствия. Вспоминая то ли неявный сон, то ли призрачное видение, она порылась в личной поклаже, беспечно свалившейся на лестничную площадку; с радостью обнаружила, что ничего не пропало. «Привидится же такое? Наверное, я попросту перенервничала и сверх нужного утомилась? Надо будет попросить выходной и как следует отдохнуть», – подумала она облегчённо, но и не преминула по-быстрому отомкнуть железную дверь. Без промедления укрылась в маломерном жилище, стараясь двигаться как можно скорее. И только оказавшись внутри непривлекательной, но комфортабельной «двушки», умаявшаяся криминалистка спокойно вздохнула и сколько-нибудь расслабилась.

Глава V. Осмотр квартиры Глебовых

Около двадцати трёх часов на мобильный телефон Кирова поступил звонок от дежурного по московскому управлению.

– Доброй тебе ночи, Ромочка Костоломов, – прозвучал в аппарате знакомый голос; он хитро, ехидно добавил: – Случайно не спишь?

– Уже нет, тупой, ты, Серёжа, – ответил тот равнозначному офицеру чисто по-свойски. – Скажи честно: тебя мои сны интересуют, или ты снова звонишь, дабы, как в прошлый раз, сообщить, что самое время в уборную «по-быстренькому» сходить? – грубо фыркнул старший оперуполномоченный. – Только тогда ты выбрал время гораздо более позднее.

– Нет, сегодня я беспокою, чтобы передать тебе вести гораздо печальнее, – перешёл «шаловливый» сотрудник к официальному тону, – ты чем сейчас занимаешься?

– Тебе не один ли до этого «хрен»? – продолжил Киров грубить, обильно перемежаясь отборнейшей матерщиной (что позволило призадуматься, что ему сорвали некие важные планы); впрочем, в силу сложившейся привычки, выработанной долговременной службой, он быстро справился и с раздражённым, и с негативным настроем, а более вежливо отчитался: – Нахожусь в одном интересном адресе, где получаю бесценную информацию.

– В общем, можешь меня обматерить хоть тысячу раз, – гнул жёсткую линию невидимый собеседник, – но криминальные эксперты установили личность убитой – что нашли сегодня в парковой зоне – и Кравцов приказал поднимать... те-ебя. Зачем? Сам понимаешь, дабы срочно отправить с оперативной группой на выезд. В любом случае хватай «ноги в руки» и двигай скорее сюда: тебе оказана великая честь, потому как проверку знакового, но непростого события нельзя пускать на безответственный самотёк и доверять кому-то иному, менее расторопному.

«Знаю я ваше хв́аленое доверие... нашли «козла отпущения». Потом удивляются: почему ты так жестоко обращаешься с преступными элементами?» – подумал майор, когда отключал мобильную связь. Вдруг... направляясь уже к машине, он недовольно предположил: «Интересно, а чего я буду «ишачить» один? Надо разбудить «молодого» – пусть сразу же включается в основную работу и с первых же дней привыкает к немислимым тяготам, тяжким лишениям, неотступно сопровождающим нормального сыщика». Приняв ответственное решение, он тем же мигом «набрал» отпущенного воспитанника и, не дав поразмыслить, издалека огорошил:

– Привет, Никита, ты чем, прости, занимаешься?

– Сплю, – зевая, ответил тот заспанным голосом, – а что, чего-то случилось?

– Да, – промолвил старший товарищ, грубить стараясь пореже, – давай собирайся и – одна нога здесь, другая там! – дуй на «Петровку», где я тебя буду ждать и поведаю о более детальных инструкциях.

Через полтора часа все были на месте. Новобранец, как почему-то сложилось (в связи с чем и не вызвал особого удивления), явился последним. «Я живу за городской чертой, откуда не просто добраться», – объяснил он длительную задержку, хотя никто его и не спрашивал. Собравшись полным составом, следственно-оперативная группа загрузилась в дежурный «уазик»; она выдвинулась на осмотр рекомендованного объекта, способного внести разгадку в кровавую череду ужасных событий. По долгой дороге Киров, обстоятельно порасспросивший дежурного, носившего (как оказалось) простецкое имя Серёжа, понемногу вводил остальных сотрудников в общий курс дела:

– Наши «бараны» на сегодняшний миг таковые: по «пальчикам», снятым с убитого трупа, управленческие эксперты успешно, ха-ха! и своевременно «угадали», что растерзанная покойница числится Глебовой Мариной Георгиевной. Как выяснилось, ранее она привлекалась – то ли к уголовной, то ли к административной? – ответственности. Следственно, по сохранившимся отпечаткам безошибочно определена противоправная личность. Вы спросите:

почему срочный выезд организуется поздней ночью? Всё очень просто, а несложный ответ находится на голой поверхности. Итак, предприимчивые «земельники», едва лишь определили, что уголовное дело не в их прямой компетенции, моментально скомпоновали собранные материалы, а следом незамедлительно «пульнули» их нам. Особо заметьте, они не проделали ни оперативно-розыскных мероприятий, ни следственных действий, полагавшихся и в таких, и в подобных им случаях – оно и понятно, ответственность реальная теперь не на них! Теперь другое... Наши чудодейственные эксперты, настроенные к продуктивной, хотя и неспешной работе – как у них издавна водится, ха! – вдоволь напились горячего чая, натрепались болтливыми языками, а заодно разрешили и глобальные, и мировые проблемы. А вот уже затем! Не имея более срочных дел – наверное, чтобы хоть чем-то себя занять? – вдруг вспомнили о некоторых деталях – которые ранее казались не такими уж значимыми, ха-ха! – приступили к их непременно разрешению. Мягко выражаясь, дождались, когда окончательно потемнеет – последнее условие, по-видимому, считалось как самое основное? – и решились попробовать загнать изъятые «пальчики» в АДИС ПАПИЛОН. И что бы вы думали?! Он тут же им выдал положительный результат. Теперь подскажите: что положено делать в похожих, экстренных случаях?

Словоохотливый рассказчик ненадолго умолк, похоже ожидая, что на поставленный вопрос ответит кто-нибудь из других, сопровождающих проверочный выезд, сотрудников. В короткое разъяснение пустился бывалый криминалист (мужчина средних лет, находившийся в чине майора, очевидно, он и проводил несрочную проверку дактилоскопического учёта):

– Немедленно известить дежурную часть и передать полученную информацию оперативным сотрудникам.

– Правильно, – согласился Роман, продолжая язвительное повествование, – точно так же поступили и тут. Установив погибшую личность, по всем существующим правилам полагается – незамедлительно! – выезжать осматривать местожительство, занимаемое покойной при жизни. Как удалось успешно выяснить, проживать она изволила – «хрен» знает где! – то есть где-то в северной части, отдалённой как от Петровки, так и от царицынской парковой зоны. И вот тут! Возникают два самых интересных, едва ли не насущных вопроса: как изуродованный труп оказался на юге столицы и где убиенная мученица нашла ужасную участь?

Все согласились, что обозначенный предмет является особенно важным, после чего пустились в незатейливые беседы, не относившиеся к расследуемому событию. Через полтора часа выездная бригада достигла Зеленограда, где и квартировала последняя жертва законченного маньяка. Муниципальная квартира располагалась в пятиэтажной постройке, возведённой во второй половине прошлого века. Сразу возникла немаленькая проблемка: как в глухой ночи попасть внутрь запертого подъезда? В искомой квартире никто, по сути, не отзывался; другие жильцы безучастно не реагировали. Не помогал и установленный снаружи назойливый домофон: при настойчивых попытках установить контактную связь, либо не отвечали совсем, либо разбуженные хозяева не скупились, недовольные, на нецензурную брань – старались, как водится на Руси, послать «надоедливую негодяя» как можно подальше. Дело было позднее: стрелки часов давно перевалили два ночи. Так что бесцеремонное поведение считалось вполне объяснимым, а в некоторой степени и даже оправданным.

Немного отвлекаясь, в безвыходных случаях рядовые сотрудники всегда задаются резонным вопросом: а, нужна ли вообще необходимость ночного выезда, фактически неэкстренного и вовсе не срочного? Когда нахождение взаимного понимания, со спящими гражданами, становится делом неприятным, очень проблематичным?

После нескольких неудачных попыток Киров не выдержал; он захватил с собой ответственного водителя, одетого, как полагается, в форменную одежду, подошёл к оконному проёму, ближайшему от подъезда, и интенсивно забарабанил двумя руками. Заматеревший оперативник поступал и беспардонно, и нагло; он остервенело стучал, пока не показался заспанный

житель, ничуть не обрадованный неутомимой настойчивости. Придав крючконосому лицу изрядно недовольное выражение, он неприветливо буркнул:

– Вы чего, совсем, что ли, «офанарели»?! Ступайте, ступайте подобра-поздорову: здесь вам не подадут! Не то полицию вызову?..

– Но мы уже здесь, и как раз стоим перед Вами, – стараясь улыбаться как можно шире, вежливо довел настойчивый сыщик, хватая второго сотрудника за форменную бейсболку и позволяя воочию убедиться, что она отличается традиционной символикой, – откройте нам, пожалуйста, чтобы мы спокойно вошли в подъезд, чтобы перво-наперво занялись прямыми обязанностями и чтобы никому впоследствии не мешали.

– Какие, «на хер», «тупые» дела?! Вы на часы-то смотрели? – не унимался неподатливый собеседник, тыкая указательным пальцем в наручные часы. – Полиция в позднее время не шастает! Откуда я могу знать, что вы, например... не пронырливые грабители?

– В тему вопрос, – согласился Роман, доставая служебное удостоверение; он показал его в развернутом виде и продемонстрировал осторожному гражданину неоспоримую принадлежность к московскому розыску.

Внимательно изучив представленный документ, упорный мужчина кое-как сдался. Не переставая ворчать, он грубовато заметил:

– Ладно, уговорили – прошу... заходите.

Сам недоверчивый житель направился в невидимую прихожую, где, по всей видимости, находился прямой выключатель, позволявший отключить магнитный замок, установленный на неприступном подъезде и смонтированный на уличном выходе.

– Вот и попробуй попади в интересующую квартиру, – поделился угрюмый оперативник с другими сотрудниками, – я удивлюсь, если окажется, что убийство Глебовой совершалось именно здесь?..

В итоге, по окончании сложного пропускного мероприятия, доступ случился открытым, и следственно-оперативная группа сумела проследовать внутрь. Прибывшая команда поднялась на четвёртый этаж и остановились перед невзрачной филёнчатой дверью.

– Никита, звони, – небрежно брякнул старший напарник.

Тот выполнил нехитрое поручение, произведя непродолжительное нажатие на круглую кнопку. Скрежещущий звонок трещал не слабже чем «поларешеный», но внутри как будто бы ничего и не слышали: не наблюдалось обыденных признаков, способных указать на предполагаемое наличие кого-то живого.

– Звони, молодой, ещё, – торопил того Киров, начиная терять и без того не ангельское терпение.

Когда прошло минут десять, а адекватной реакции так и не проявилось, Роман уже не сдержался и, в силу вздорного, точнее взрывного, характера, стал энергично «постукивать» в непрочную деревянную дверь; она устанавливалась в давние, ещё советские, времена. Он тарабанил с такой непомерной силой, что из занимаемых ими жилых помещений повысовывались воинственные соседи. Вначале они недружелюбно высказывались, однако, завидев полицейские мундиры, раздосадованные, сразу же удалялись. И одна только бабка, давно достигшая возраста «божьего одуванчика», не преминула пообщаться с назойливыми сотрудниками московской полиции. Говоря о неказистой внешности, следует отметить некоторые черты: необычайную худосочность, позволяющую дивиться, в чём только душа горемычная держится; свободную, уверенную походку (странно, как не утраченную?); стойкий, самовлюблённый вид, демонстрирующий завидные жизнелюбивые качества; серенький ситцевый халатик, одетый под однотонные мягкие тапочки.

– Вы чего, сынки, расшумелись? – обратилась она к полицейским.

– Нам бы, дорогая бабушка, выяснить: есть ли кто внутри соседней квартиры? – вежливо обратился Роман к дотошной старушке, вышедшей с суровой инспекцией; он указал на глебовское жилище.

– Чего же, мил человек, здесь не знать-то? «Стаська» там Глебов – пьяный. . . у него уж два дни, как жинка непутёвая «куда-ть» сгнула. Он думает, отправилась к срамному любовнику – вот теперь пропитой стервец и «нажрался», как отвратительная свинья, и дрыхнет, ни к чему вокруг не прислушиваясь. Кха, кха, кха, – она хрипловато покашляла, – его теперь из царской пушки не разбудить.

– Действительно?! – попытался старший оперуполномоченный изобразить непритворное изумление, но, быстро переменявшись в лице, убеждённо поправился: – Не переживайте, сейчас добудимся.

Обращаясь к молодому напарнику, он настойчиво обозначил:

– Никита, а ну-ка давай-ка мне подсоби! Не бойся, полицейский закон предусматривает.

Оказываясь в аналогичных ситуациях уже не единожды, Бирюков моментально сообразил, что от него конкретно потребуется. Он подошёл почти что вплотную, сцепился с Романом двумя руками, плотно прижал левое плечо к его правому (несмотря на активные протесты представителя следственного комитета, молодого худощавого лейтенанта, отличавшегося высоким ростом и одетого в холёный мундир) – в общем, создали «живую фигуру», которой принято вышибать непрочные дверные преграды. Через пару мгновений, как следует разбежавшись, они словно некий могучий клин, всё сшибавший на переднем пути, бросились на хлипкое, еле живое, препятствие. . . допотопный «барьер», непрочный и старый, естественно, он не выдержал и разом отделился от хиленьких пётелек, легко сломавшись тем паче, что он открывался вовнутрь.

– Милости просим, – съехидничал Киров, поднимаясь с линолеумного покрытия, устланного в квартире (куда, не рассчитав силу «массированного» удара, пролетели совместно с исправным напарником), – можете заходить, особенно не стесняясь, и, заметьте, на правомерных, юридически подогнанных, правилах. Каких? У нас имеются все основания полагать, что здесь совершилось особо тяжкое преступление.

Осматривая внутреннее пространство, сотрудники правоохранительных органов первым делом установили, что трёхкомнатная жилплощадь дополнительно содержит и непросторную кухню, и длинную прихожую, и отдельный санузел. В самой маленькой комнатке спал восьмилетний ребенок; вторая, используемая под зал, оказалась пустой; третья моментально привлекла к себе всеобщее пристальное внимание. Похоже, она являлась родительской спальней, а судя по всему, здесь бушевали совсем нехилые страсти, не передаваемые ни по гневу, ни по ужасу свершившегося события (создавалось впечатление, когда по Руси проходил Мамай, разрушения он оставил намного меньшие). Ни одна из обстановочных принадлежностей, представленных мебелью неказистой, по сути не дорогой, не сохранила первичной целостности: двуспальная кровать, письменный стол, деревянные стулья, и даже четырёхсекционный комод, предполагавший постановленный телевизор, выглядели беспощадно разломанными и в беспорядке валялись по комнате; носимые женские вещи разрывались на мелкие клочки и точно так же разбрасывались по небольшому периметру – словом, всё указывало на неравную, но отчаянную борьбу. Ужасное предположение подтверждалось многочисленными бурами пятнами, обильно обгадившими чудовищное побоище; они более чем отчётливо убеждали, что здесь либо происходила ожесточённая битва за жизнь, либо состоялось жестокое умерщвление. Хозяин квартиры обнаружился в ванной комнате, где находился в неменяемом состоянии; он лежал внутри пустой ёмкости, одетый в домашние вещи, и смотрелся настолько пьяным, насколько вообще не реагировал ни на какие внешние встряски. Между прочим, первоначальную ответственность за срочную побудку взял на себя напыщенный комитетчик. Он очень скоро уверился, что умелое приведение в чувство не является его главной задачей, что он, к

стыду, оказался всецело бессилён и что требуется чья-то жёсткая хватка, более уверенная и не раз себя проявившая.

– Приглашайте сотрудников ПДН, – не желая заостряться на постыдной беспомощности, распорядился он повелительной интонацией и указывал находившемуся поблизости молодому оперативнику, – пусть они занимаются изъятием малолетнего мальчика, а пропойцей-папой займёмся мы сами... но разве немного попозже, когда он соизволит проснуться и когда оценит неоднозначную ситуацию более или менее адекватно.

Поскольку отданная команда касалась Никиты, постольку он, желая себя проявить (ну и пусть, что в нехитром деле!), отошёл немного в сторонку и позвонил в головную дежурную часть.

– Слушаю, – неприветливо буркнули с той стороны.

– Это Бирюков...

– Какой, «к херам», Бирюков? – послышался грубый голос недовольного человека, находившегося в перевозбуждённом, чересчур «загруженном», состоянии.

– Новый сотрудник... – звонивший парень вначале несколько растерялся; однако он быстро собрался, а дабы дать почувствовать логичную связку, гораздо твёрже добавил: – напарник Кирова Ромы! Нам нужен квалифицированный детский сотрудник.

– Понял, ждите, – недолгая связь мгновенно оборвалась, потому как с той стороны, не вдаваясь в дополнительные подробности, беззастенчиво повесили проводную телефонную трубку.

В то же время старший оперуполномоченный, вдоволь насмотревшись на жуткое зрелище, предоставил проявить профессиональные навыки эксперту-криминалисту; сам же он, нисколько не сомневаясь, что примерно произошло, агрессивно настроенный, бросился в ванную, где в бесчувственном состоянии спокойно посапывал (по его субъективному мнению) кровавый преступник. Оказавшись в помывочном закутке и самолично удостоверившись, что мягкие методы, применяемые следственным комитетчиком, нисколько не эффективны (а главное, не приносят желаемых результатов), он вежливо попросил его отодвинуться дальше. Лютый оперативник незамедлительно заперся изнутри, оставшись наедине то ли с семейным дебоширом, то ли с серийным маньяком-убийцей... По доносившимся звукам, напоминавшим энергичное взбивание теста и сопровождавшимся лёгким «покрахтыванием», служивые люди с упрёком подметили, что напористое «оживление», скорее, закончится непреднамеренным умерщвлением. Действительно, в необузданном гневе Киров считался неутомим, неистовым и жестоким. Сейчас, по общему мнению, он яростно тиранил главного подозреваемого, чтобы побыстрее вырвать (чисто!) сердечное признание и чтобы безвозвратно выставить виновным в нечеловеческих зверствах. А! Он всё молотил, колотил и рьяно усердствовал... Остановился Роман в неугомонных пытках (вернулся к нормальной реальности), только тогда, когда раздался настойчивый стук, бешено колотивший в непрочную створку; до него максимально дошло, что пытаются достучаться сразу несколько человек, в полной мере готовых вынести ту хиленькую преграду. Немного успокоившись и взглянув на избитого человека, полицейский и сам ужаснулся от представшего страшного вида: лицо гляделось измочаленным в кровь; на теле образовались огромные синюшные гематомы. Старший оперативник отвлёкся на настойчивых сослуживцев, а открывая им хлипкую дверь, ненадолго выпустил из вида недавнего мученика. Он не заметил, как пьяный хозяин, потихоньку пришедший в себя, воспользовался удачно образовавшейся коротенькой передышкой. Как именно? Не помня себя от ослепляющей ярости, тот с громогласным криком набросился на злого обидчика. И тут! Дверной проём приоткрылся и впечатлённому взору участников следственной группы представилась такая картина: Глебов, отличавшийся расквашенной физиономией, окровавленной, страшной, обхватил ненавистного противника сзади, придушил его за сильную шею (сдавил одной из тех мёртвых хваток, от каких ни за что не освободиться) и далеко не шуточно попытался лишить неради-

вого сыщика жизни. Убедившись, что вероломное нападение (совершаемое, между прочим, на сотрудника правоохранительных органов) увидели все, кому было нужно, Роман попытался провести эффектный приём, всегда получавшийся при освобождении от задних захватов. Он топнул по вражьей ступне, левой ладонью перехватился за душавшую руку, взял за широкое запястье, попытался стащить его вниз; другая кисть одновременно нажимала на локоть одноимённой конечности, надавливая её кверху и пуская на резкий излом. Обычно простое противодействие, наработанное до полного автомата, приносило безоговорочную победу; но обезумевший Глебов словно и не чувствовал ни нормального страха, ни отчётливой боли, и никак не реагировал на ловкие попытки соперника высвободиться – он так и продолжал безжалостно сдавливать хрипевшее горло. Только сейчас Кирову, несмотря на прошлую практику и чопорную самоуверенность, суждено было осознать, что он попал в одно из самых безвыходных положений, когда-либо случавшихся в излишне насыщенной службе. В последней попытке, способной помочь ему вырваться из цепких объятий, сообразительный полицейский двумя ладонями обхватил давившее предплечье и на единственное мгновение ослабил то жуткое сдавливание... Собрав воедино могучие силы, он проделал отчаянный квест – направился строго вперёд, вырываясь из узкой ванной в просторный коридор, имевшийся между махонькой кухней и спальными комнатами. Так, вместе с разъярённым душителем, незадачливый сыщик порезче кинулся на пол (бросился лицом вниз), а затем, воспользовавшись активной помощью остальных (все разом навалились на Глебова, не исключая строптивного комитетчика), кое-как сумел освободиться из смертельного силового захвата.

К буйному хозяину применили стальные наручники, но и они не сдержали его озверелого, необузданного, полупьяного поведения. Едва его отпустили, он лихо подпрыгнул кверху, поднялся на могучие ноги и попытался пнуть всякого, каждого, кто не оказывался поблизости. Экспертному криминалисту даже пришлось пожертвовать клеящий скотч, для того чтобы хорошенечко «спеленать» закоренелого дебошира, немного его утихомирить и хоть как-нибудь обездвижить.

Глава VI. Подозреваемый

Помимо основного условия (привести в осознанное чувство хозяина жилых помещений), для осмотра места происшествия потребовалось наличие двух понятых. Найти их в столь позднее время (пусть и в городских условиях) представляется делом крайне проблематичным: осмотрительные граждане и так-то неохотно идут на правовое сотрудничество, а тут и вовсе, не стесняясь (иногда и грязными матюгами!), стараются отослать как можно подальше. Хотя процессуальная процедура и допускает (при наличии проведения фото- видеосъёмки) отсутствие посторонних лиц, но для наиболее эффективного закрепления присутствие живых людей никогда не окажется лишним. Вот и сейчас, руководствуясь устойчивым правилом, едва оперативная группа определилась с основными приоритетами, озадачилась и следующим немаловажным условием. Решение непростого вопроса хотели возложить на молодые плечи младшего лейтенанта, но, к его удаче, на подмогу прибыли ответственные сотрудники местного отделения. Помимо представителя подразделения по делам несовершеннолетних (молодой красивой девушки-капитана, отмеченной отлично сложенной фигурой), «дежурный Серёжа» не поленился передать земельным коллегам, чтобы дополнительно прислали закреплённого участкового (пожилого майора, отличавшегося умеренной полнотой и находившегося в возрасте, давно перевалившим за сорок). Нетрудно предположить, именно на его широкие плечи и легла непосредственная ответственность по предоставлению участвующих лиц, посторонних и независимых.

Получив (как оказалось) несложное, легко исполнимое, поручение, старослужащий офицер не торопясь удалился. Обрато он вернулся минут через двадцать, что в ночных условиях считалось результатом сравнительно быстрым (для опытного сотрудника поставленная задача оказалась незатруднительной, целиком выполнимой). С собой исполнительный помощник привёл двух супругов-пенсионеров, проживавших в соседнем подъезде. Попутно выяснилось, представленных пожилых людей он периодически привлекал в аналогичную помощь, зачастую используя их в целях, примерно в чём-то похожих. Неудивительно, что они безропотно согласились (им просто не оставалось альтернативного выбора); единственное, что вызвало коротенькую задержку, – в силу почтенного возраста, услужливым старичкам пришлось потратить лишнее времени на нескорые сборы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.